

Министерство внутренних дел Российской Федерации
Федеральное государственное казённое образовательное учреждение
высшего профессионального образования
«Орловский юридический институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации
имени В.В. Лукьянова»

Е.Б. Гришина

Особенности формирования показаний уча-
стников уголовного судопроизводства
России: уголовно-правовой аспект

Учебное пособие

Орёл
ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова
2013

УДК 34С65
ББК 67.99(2)93
Г85

Рецензенты:

Карлеба В.А. – начальник кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России;

Медведев А.Н. – врио начальника Следственного управления УМВД РФ
по г. Орлу

Гришина Е.Б.
Г85 **Особенности формирования показаний участников уголовного
судопроизводства России: уголовно-правовой аспект : учебное пособие**
/
Е.Б. Гришина. – Орел : ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2013. –
69 с.

Учебное пособие написано на основе положений Уголовно-процессуального и уголовного законодательства. В работе изложены основные положения, касающиеся определения показаний, особенностей формирования показаний каждого участника уголовного судопроизводства. В работе проанализированы и учтены последние изменения законодательства и рассмотрены материалы судебной практики по затрагиваемой проблеме.

Для обучающихся и преподавателей высших учебных заведений с юридическим профилем, а также для научных, практических работников, интересующихся системой доказательств в уголовно-правовом аспекте. Учебное пособие рассмотрено на заседании кафедры уголовного процесса 2.10.2013г. Протокол № 19.

УДК 34С65
ББК 67.99(2)93

© Гришина Е.Б., 2013
© ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2013

Оглавление

Введение	4
Глава I. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве и гносеологические основы их формирования	6
§ 1 Понятие показаний в уголовном судопроизводстве	6
§ 2. Гносеологические особенности формирования показаний	16
Глава II. Процессуальная форма показаний участников уголовного судопроизводства	24
§ 1. Особенности формирования показаний подозреваемого и обвиняемого	24
§ 2. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля	34
§ 3. Особенности формирования показаний эксперта и специалиста	46
Заключение	58
Список используемой литературы	60

Введение

Доказательственное право представляет собой подотрасль уголовно-процессуального права, регламентирующую основное содержание уголовного судопроизводства – познавательную деятельность.

В настоящее время нельзя с полной убежденностью сказать, что используемая законодателем, Пленумом Верховного Суда Российской Федерации терминология из области теории доказывания не порождает существенных как теоретических, так и практических проблем. Так, до настоящего времени отсутствует ясность в вопросе о соотношении доказательства, его источника и процессуальной формы (ч. 1, 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации¹, п. 5, 6 ч. 1 ст. 220, п. 6 ч. 1 ст. 225 УПК). Дискуссионным является само понятие видов доказательств, поскольку категориям, обозначенным в ч. 2 ст. 74 УПК, законодательная дефиниция не дана.

В системе видов доказательств особое место занимают сведения, существующие в форме показаний. Во-первых, в связи с их очевидной наибольшей распространенностью в качестве доказательств. Согласно различным оценкам распространенность показаний среди иных видов информации в доказательственной базе составляет до 70 %², тогда как вся вербальная информация доказательственной базы по уголовным делам³ - 85-90 %. Таким образом, даже среди вербальных источников информации сведения, существующие в форме показаний, очевидно преобладают. Во-вторых, формирование показаний как с гносеологических позиций, так и с позиций процессуальной формы достаточно выражено отличается от формирования иных видов информации. Это связано с сочетанием устности и письменности речи, что актуализирует при получении показаний проблему и устной, и письменной речи, адекватности передаваемых образов и т.д.

Несмотря на то, что сведения, содержащиеся в показаниях, являются наиболее распространенными доказательствами по подавляющему большинству уголовных дел, понятие показаний ни в уголовно-процессуальной теории, ни в современном законодательстве четко не определено.

Причин такого положения несколько. Прежде всего, четкому определению показаний препятствует непрекращающаяся дискуссия относительно соотношения понятий «доказательство», «источник доказательства», «источник сведений о фактах», «виды доказательств». В многочисленных научных работах показания толкуются и как доказательства, и как форма доказательств, и как содержание доказательств, применительно к показаниям используются такие обобщающие категории как «вид доказательств»,

¹ В дальнейшем, если иное не оговорено, - УПК.

² См.: Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М. : «Юрлитинформ», 2009. С. 4.

³ См.: Тишутина И.В. Первоначальный этап раскрытия и расследования бандитизма : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 18.

«вид источников доказательств», «вид источника фактических данных», «вид процессуальной формы доказательства».

Кроме того, законодатель не всегда дает четкое определение другим видам информации, используемой в доказывании. Так, не в полной мере ясно содержание протоколов следственных и судебных действий (п. 5 ч. 2 ст. 74 УПК, ст. 83 УПК), в частности спорен вопрос о том, входят ли в содержание этого понятия протоколы допросов, очных ставок. Понятие иных документов (п. 6 ч. 2 ст. 74 УПК, ст. 84 УПК) также достаточно неопределенно и не позволяет, например, решить вопрос о правовой природе материалов опроса защитником лица с его согласия; объяснений, полученных в ходе проверки сообщения о преступлении, результатов применения технических средств фиксации хода и результатов допроса, очной ставки.

Такое положение дел породило в науке представление о показаниях как о сведениях, полученных не только в ходе допроса, но и в ходе иных процессуальных действий. Такая неопределенность затрудняет применение ряда норм доказательственного права.

Определенные проблемы порождены и законодательной техникой. Так, закрепление показаний эксперта в одном пункте с заключением эксперта (п. 3 ч. 2 ст. 74 УПК), а показаний специалиста в одном пункте с заключением специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК) нередко вызывает отношение к показаниям этих участников как к несамостоятельным доказательствам, являющимся лишь элементом неких доказательственных комплексов.

Очевидна актуальность рассмотрения и установления определенности в вопросах о понятии показаний, особенностях их формирования и уголовно-процессуальных способах получения показаний участников уголовного процесса.

Глава 1. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве и гносеологические основы их формирования

§1. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве

Среди иных видов информации особое место занимают показания, во-первых, в связи с их очевидной наибольшей распространенностью в качестве доказательств. Согласно результатам проведенного исследования было выявлено, что показания участников уголовного судопроизводства в среднем составляют почти 62,3 % от общего числа имеющихся в уголовном деле доказательств. При этом от общего объема показаний показания потерпевшего составляют 15,7 %; показания свидетеля – 33,2 %; показания подозреваемого – 24,7 %; показания обвиняемого – 18,9 %; показания эксперта – 4,9 %; показания специалиста – 2,6 %. Во-вторых, в связи с тем, что вербальная сущность показаний проявляется как на этапе их формирования, так и на этапе использования.

Несмотря на то, что сведения, содержащиеся в показаниях, являются наиболее распространенными доказательствами по подавляющему большинству уголовных дел, понятие показаний ни в уголовно-процессуальной теории, ни в современном законодательстве четко не определено.

Причин такого положения несколько. Прежде всего, бесспорному определению показаний препятствует непрекращающаяся дискуссия относительно соотношения понятий «доказательство», «источник доказательства», «источник сведений о фактах», «виды доказательств». В многочисленных научных работах показания толкуются и как доказательства, и как форма доказательств, и как содержание доказательств, применительно к показаниям используются такие обобщающие категории, как «вид доказательств»¹, «вид источников доказательств»², «вид источника фактических данных», «вид процессуальной формы доказательства»³.

Согласно ч. 1 ст. 74 УПК доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель и орган дознания в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела. Соответственно, исходя

¹ См.: Шейфер С.А. Понятие доказательства: дискуссия не завершена // Право и государство. 2005. № 1. С. 126.

² См.: Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий : учебное пособие. М. : ЮИ МВД России, 2002. С. 23.

³ См.: Карпенко В.М. Понятие доказательств по УПК РФ // Сборник научных трудов. М. : ВНИИ МВД России. 2005. С. 70.

из формулировки закона, сущность понятия доказательств – сведения. Однако в ч. 2 ст. 74 УПК сказано, что в *качестве доказательств допускаются* 1) показания подозреваемого, обвиняемого; 2) показания потерпевшего, свидетеля; 3) заключение и показание эксперта; 3.1) заключение и показание специалиста; 4) вещественные доказательства; 5) протоколы следственных и судебных действий; 6) иные документы. На первый взгляд закон противоречит методологической посылке о том, что доказательство – это совокупность содержания (сведения, информация) и процессуальной формы. «Сведения о фактах рассматриваются в отрыве от их процессуальной формы, при этом и то, и другое рассматривается как доказательство, то есть одним и тем же термином обозначаются различные категории»¹, - отмечается по этому поводу в литературе.

Полагаем, что в ч. 2 ст. 74 УПК речь идет не о доказательствах, а о процессуальной форме сведений. Иначе говоря, в качестве доказательств допускаются *не показания, а сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, существующие в форме показаний*.

Следует отметить, что сущность показаний принципиально различается в предлагаемых определениях различных авторов. М.Л. Якуб, формулируя понятие показаний, делал акцент на процессуальной форме сведений о расследуемых событиях и действиях, сохранившихся в памяти людей, процессуальный источник, из которых следствие и суд устанавливают такие сведения². М.С. Строгович рассматривал показания как делаемые на допросе сообщения по существу дела, т.е. изложение фактов, рассказ об известных фактах и событиях³. В.А. Гладких, В.Я. Горжей под показаниями понимают устное сообщение лицом известных ему сведений по поводу обстоятельств дела, сделанное на допросе и зафиксированное в установленном законом порядке (использование конструкции «устное изложение сведений» дает основание полагать, что имеется в виду процесс передачи сведений, а не сами сведения)⁴. А. Макеев, М. Шалумов полагают, что это сведения, полученные в ходе допроса и облеченные в процессуальную форму⁵. А.П. Рыжаков полагает, что «показания свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, заключение и показания эксперта, заключе-

¹ См.: Григорьев В.Н., Победкин А.В. О методологии совершенствования доказательственного права // Государство и право. 2003. № 10. С. 58.

² См.: Якуб М.Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. М., 1973. С. 599.

³ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т.1. С. 414.

⁴ См.: Гладких В.К., Горжей В.Я. Новый УПК: больше вопросов, чем ответов // Российский следователь. 2002. № 1. С. 18.

⁵ См.: Макеев А.В. Свидетель в уголовном судопроизводстве России: становление и тенденции развития процессуального института : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 6; Шалумов М. Собираение и оценка доказательств по уголовному делу // Законность. 2005. № 3. С. 2.

ния и показания специалиста... - это формы доказательств»¹. Согласно мнению А.В. Победкина, показания – это сообщение лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанное в ходе допроса (очной ставки), зафиксированное в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых допрашиваемый сообщил в ходе допроса (очной ставки)².

Причиной отсутствия четкости в определении доказательств, понимании их видов, процессуальной формы (а следовательно, и показаний) стала и законодательная техника в области доказательственного права современного законодателя. Исходя из формулировки закона показания – это сведения (ст.ст. 76, 77, 78, 79, 80 УПК). Однако доказательства также определяются законодателем через термин «сведения». Иначе говоря, законодатель определяет показания через содержание понятия доказательства. На основании этого можно было бы сделать вывод, что показания – это доказательства. Однако в данном случае возникает вопрос: можно ли считать показаниями собственно сведения, сообщенные в ходе допроса, очной ставки, однако не являющиеся доказательствами в силу неотносимости? Исходя из буквы закона, некоторыми авторами делается вывод о том, что таких категорий, как показания, заключение и т.д. (ч. 2 ст. 74 УПК) просто не существует, если сведения о фактах, полученные и сохраненные в такой процессуальной форме, не являются относимыми³.

Итак, в форме показаний могут существовать как относимые сведения (доказательства), так и сведения об обстоятельствах, не имеющих отношение к предмету доказывания. В последнем случае в форме показаний существуют сведения, не являющиеся доказательствами.

В этой связи в структуре понятия доказательств необходимо обозначить и соединить оба необходимых компонента, а именно: содержание и форму. Именно так и поступил Р.В. Костенко, предложив следующую формулировку ст. 74 УПК: «Доказательствами по уголовному делу являются любые сведения, содержащиеся в показаниях подозреваемого, обвиняемого, потерпевшего, свидетеля, эксперта, специалиста, в заключении эксперта, в заключении специалиста, в предметах и вещах материального мира, в протоколах следственных и судебных действий, в иных документах, на основе которых суд, прокурор, следователь, дознаватель в порядке, определенном настоящим Кодексом, устанавливают наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уго-

¹ См.: Рыжаков А.П. Уголовный процесс : учебник для вузов. 3-е изд. М., 2004. С. 217.

² См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : монография. М., 2005. С. 269.

³ См.: Костенко Р.В. Указ раб. С. 20 и др.

ловному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела»¹. Однако Р.В. Костенко не считает показаниями, равно как и другой процессуальной формой, обозначенной в ч. 2 ст. 74 – сведения, не пригодные для установления наличия или отсутствия обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, например, вследствие неотносимости сведений². Полагаем, что форма не в полной мере зависит от содержания, а определяется соблюдением процедуры получения сведений. В случае ее соблюдения показаниями (и др. категориями, обозначенными в ч. 2 ст.74 УПК) следует считать и форму сведений, не являющихся доказательствами.

Решение вопроса о том, являются ли показаниями сведения об обстоятельствах, не имеющих значения для уголовного дела, однако полученные при безусловном соблюдении процессуальной формы, связано с проблемой предмета и содержания показаний.

Бесспорно, каждый вид показаний, определяемый особенностями процессуального положения допрашиваемого субъекта, характеризуется собственным предметом и содержанием. Однако интерес представляет рассмотрение предмета и содержания показаний как абстрактных процессуальных категорий³. В противном случае определенные затруднения могут возникнуть с выявлением соотношения показаний, доказательств и сведений, сообщенных на допросе. Заметим, что выделять такие категории, как предмет и содержание, возможно лишь в случае, если показания рассматривать в качестве процессуальной формы как относимых, так и неотносимых сведений о фактах. В противном случае предмет и содержание показаний будут совпадать.

Предмет показаний составляют те обстоятельства, о которых допрашиваемый в рамках, определенных законодателем, может сообщить сведения о фактах.

В ранее приведенном определении А.В. Победкина почву для дискуссий дает то, что автор определяет показания как сведения, в то же время называет показания «источником доказательств». Сведения не могут быть источником доказательств, даже если под таковыми термином понимать процессуальную форму, как это и делает А.В. Победкин⁴.

Понятие процессуальной формы – одно из самых остро дискуссионных понятий в науке уголовного процесса.

Существует мнение, что процессуальная форма – совокупность условий, установленных уголовно-процессуальным законом для совершения

¹ См.: Костенко Р.В. Указ. раб. С. 27-28.

² Там же. С. 32.

³ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М. : «Юрлитинформ», 2009. С. 273.

⁴ См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : монография. М., 2005. С. 204.

органами следствия, прокуратуры и суда тех действий, которыми они осуществляют свои функции в области расследования и разрешения уголовных дел, также для совершения гражданами, участвующими в производстве по уголовному делу, тех действий, которыми они осуществляют свои права и выполняют свои обязанности¹.

Другие авторы трактуют процессуальную форму как регламентированные правом порядок, принципы и систему уголовно-процессуальной деятельности, установленные в целях достижения задач уголовного судопроизводства и обеспечения прав и законных интересов его участников².

Таким образом, уголовно-процессуальная форма или определяется весьма близко к понятию уголовно-процессуального права (совокупность правил) либо как условия совершения процессуальных действий и принятия процессуальных решений, либо как процедура, порядок действий. В некоторых определениях данные категории совмещаются.

Представляется, что искать внутреннее содержание процессуальной формы – идея вряд ли продуктивная. Процессуальная форма – это внешнее выражение. Несомненно, любая форма неразрывно связана с содержанием и без него не существует. Отсюда содержанием, внешним выражением которого является уголовно-процессуальная форма, выступает уголовно-процессуальная деятельность. В.Г. Даев точно заметил, что если «содержанием уголовного процесса является сама деятельность по реализации уголовно-процессуальных отношений, то урегулированный законом порядок этой деятельности может быть назван процессуальной формой»³.

Итак, совокупность установленных уголовно-процессуальных законов правил и требований, т.е. норм права – уголовно-процессуальное право; деятельность по их реализации – уголовно-процессуальная деятельность, внешним выражением которой является процессуальная форма – установленный уголовно-процессуальным законом порядок, процедура уголовно-процессуальной деятельности.

Как отмечалось выше, понятие «показаний» ряд авторов определяют через термин «сообщение», не уточняя, имеется ли в виду сам процесс передачи сведений или результат такой передачи – сведения. Между тем указанный термин можно рассматривать и как процесс передачи сведений, т.е.

¹ См.: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. Т. 1. М., 1968. С. 51.

² Рахунов Р.Д. Проблема единства и дифференциации уголовно-процессуальной формы // Вопросы борьбы с преступностью. 1978. Вып. 29. С. 84.

³ См.: Даев В.Г. Взаимосвязь процессуальной формы с материальным правом // Развитие и совершенствование процессуальной формы. Воронеж, 1979. С. 47.

способ связи, и как результат такой передачи¹. Отдельные авторы принципиально определяют показания как устную речь².

Если определять показания как процессуальную форму сведений, а последнюю понимать как порядок процессуальной деятельности, то может быть сделан вывод о том, что показания – порядок, процедура получения сведений, а не результат использования такой процедуры. Вместе с тем очевидно, что для обоснования процессуальных решений используется не деятельность, а ее результат – сведения. В этой связи определение показаний как процессуальной формы, т.е. как процедуры, порядка деятельности, внешнего выражения деятельности, не вполне корректно. Показания – не процессуальная форма сведений, а результат процессуальной формы получения сведений. В то же время это и не сами сведения, а их внешний облик, форма. В этой связи, упоминание в определении процессуальной формы только порядка, процедуры уголовно-процессуальной деятельности явно недостаточно, необходимо отразить и результат применения такой процедуры. Внешним выражением результата применения установленной уголовно-процессуальным законом процедуры являются процессуальные акты. Кроме того, порядок производства в немалой степени определяется процессуальным статусом субъектов, участвующих в нем. В этой связи процессуальный статус участников судопроизводства, сообщающих сведения в процессуальной форме показаний, не может не учитываться при определении ее вида.

Поскольку существует необходимость определять через понятие процессуальной формы концептуальное понятие источников сведений, являющихся доказательствами, данное понятие в самом общем виде следует закрепить нормативно. С этой целью ст. 5 УПК стоит дополнить п. 33¹ УПК следующего содержания: «процессуальная форма – установленный Конституцией Российской Федерации, федеральными конституционными законами, настоящим Кодексом, другими федеральными законами порядок производства процессуальных действий, принятия процессуальных решений, фиксации принятых решений, хода и результатов процессуальных действий, а также соответствующие процессуальные акты».

Данное определение станет логичным продолжением определения процессуального действия (п. 32 ст. 5 УПК), процессуального решения (п. 33 ст. 5 УПК), а сам термин «процессуальная форма» может быть использован для определения иных уголовно-процессуальных понятий.

Отсюда в ч.2 ст. 74 УПК следует вместо: «в качестве доказательств допускаются» употреблять: «данные сведения могут существовать в про-

¹ См.: Ожегов С.И., Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка. М., 1995. С. 727.

² См., например: Рыжаков А.П. Собираение (проверка) доказательств. Показания как средство доказывания : научно-практическое руководство. М. : Издательство «Экзамен», 2007. С. 98.

цессуальной форме...» и далее перечислить виды процессуальной формы, в которую могут быть облечены сведения, являющиеся доказательствами.

Необходимо иметь в виду, что показания как процессуальная форма сведений, являющихся доказательствами, существует лишь в том случае, когда соблюдены все требования закона относительно получения данных сведений. Иначе говоря, употребление понятия «показания» дает основание полагать, что речь идет о допустимых сведениях (которые, однако, как указывалось выше, могут быть и неотносимыми).

Некоторой недооценкой процессуальной формы характеризуется точка зрения В.Л. Будникова, который полагает, что *«показания в уголовном судопроизводстве можно определить как любые сведения об обстоятельствах исследуемого уголовно-правового события, полученные публичными и частными субъектами доказывания от участников процесса в вербальной форме и в порядке, установленном федеральными законами или прямо не противоречащем им* (курсив В.Л. Будникова). Процедурно показания могут получаться в рамках любых процессуальных, в том числе следственных действий, и в любой стадии уголовного судопроизводства»¹.

Свою позицию В.Л. Будников аргументирует возросшей диспозитивностью уголовного судопроизводства и основанной на ней активностью самих сторон в установлении обстоятельств преступления. Установленная законодателем возможность получения показаний лишь в ходе допроса, по мнению В.Л. Будникова, представляется устаревшим по существу подходом и не учитывает в полной мере нынешние реалии российского уголовного судопроизводства².

В этой связи указанный автор полагает, что показания как вербальная информация может быть получена и посредством опроса в стадии возбуждения уголовного дела и в ходе опроса, произведенного защитником. Отсутствие возможности применения принуждения при производстве опроса, по мнению В.Л. Будникова, вряд ли способно как-либо повлиять на характер и объем получаемой при этом фактической информации³.

В этой связи В.Н. Григорьев и А.В. Победкин справедливо замечают, что рассмотрение получения вербальной информации, как основного признака показаний, явно недостаточно. В этом случае не учитывается, во-первых, роль вербальной информации в системе результатов следственного действия; во-вторых, значение для каждого процессуального действия оптимальной и необходимой процессуальной формы. «Игнорирование последнего обстоятельства может привести к ошибочному выводу об отсутствии необходимости предъявлять к процессу получения показаний вообще какие-либо процессуальные требования. Конечно, сами по себе процес-

¹ См.: Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. М. : «Юрлитинформ», 2009. С. 40.

² Там же. С. 26.

³ Там же. С. 34-35.

суальные гарантии, применяемые при допросе, не могут исключить сомнение в достоверности сообщенных сведений, неукоснительном соблюдении прав допрашиваемого. ... По возможности, они должны применяться в каждом случае получения информации. При невозможности их применения, например, в связи с недопустимостью производства допроса в ходе проверки сообщения о преступлении, собирание доказательств не становится невозможным. Для этого используются иные процессуальные способы, в меньшей степени сопряженные с процессуальными гарантиями. Не исключено, что в результате оценки доказательств по внутреннему убеждению будет сделан вывод о допустимости, относимости, достоверности именно таких доказательств. Однако при оценке доказательств задействованный уровень процессуальных гарантий не может не учитываться. Мало того, этот уровень в целом определяет различие в процессуальной форме получения сведений, а следовательно, в ее наименовании»¹.

Л.Е. Владимиров отмечает: «Необходимость пользоваться показаниями людей, необходимость принимать их за истину есть такое первостепенное условие как частного, так и общественного быта. На каждом шагу, в жизни, мы нуждаемся в правдивых показаниях людей»². Следует заметить, что и сам В.Л. Будников не отрицает значение процессуальной формы как правовой гарантии соблюдения единого для всех субъектов доказывания порядка получения сведений об обстоятельствах преступления, который помимо унификации самой процедуры получения сведений должен способствовать также обеспечению большей их достоверности по сравнению с фактическими данными, получаемыми в процессе частной беседы или иным способом³.

Отсюда следует, что показания должны характеризоваться особой процессуальной формой. Законодатель в определении показаний различных участников судопроизводства (ст.ст. 76-80 УПК) указывает на возможность их получения лишь в ходе такого следственного действия, как допрос.

Одним из наиболее дискуссионных вопросов является вопрос о возможности получения показаний в ходе иных, кроме допроса и очной ставки, следственных действий.

По этой проблеме существует несколько основных точек зрения. Сущность первой заключается в возможности получения показаний исключительно в ходе допроса и очной ставки⁴. Другие авторы считают, что

¹ См.: Григорьев В.Н., Победкин А.В. Понятие показаний в уголовном судопроизводстве: дискуссия обостряется // Вопросы правоведения. 2010. № 2. С. 209.

² См.: Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. Тула, 2000. С. 48.

³ См.: Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. С. 25.

⁴ См., например: Якуб М.Л. Процессуальные проблемы оценки показаний свидетеля, потерпевшего и обвиняемого : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Л., 1970. С. 6-7; Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М. : «Юрлитинформ», 2009.

показания, кроме допроса и очной ставки, могут быть сформированы также и в ходе проверки показаний на месте и предъявления для опознания¹. Третья позиция состоит в том, что показания могут быть получены в ходе любых процессуальных действий, если они позволяют получить вербальную информацию. Данный взгляд, проводится не вполне последовательно в работах Р.Д. Рахунова², сегодня его активным проводником является В.Л. Будников, который полагает, что «нормативные определения показаний участников уголовного судопроизводства, предусматривающие возможность получения составляющих их сведений только в рамках одного следственного действия – допроса, сам же законодатель, по существу, не считает не подлежащими расширительному толкованию, коли допускает возможность представления вербальной информации и при производстве других следственных действий»³. А.А. Федоров также считает, что показания появляются в результате процессуальных действий, не относящихся к допросам, и закрепляются в материалах уголовного дела как элементы различных протоколов следственных действий, протокола судебного заседания и иных протоколов⁴.

Законодатель не исключает возможность получения вербальной информации в ходе иных процессуальных, в том числе и следственных действий. Однако это, на наш взгляд, не свидетельствует о возможности получения в ходе этих действий показаний, поскольку вербальная информация существует в различной процессуальной форме.

Интересную аргументацию возможности получения показаний лишь в ходе допроса и очной ставки привел С.И. Леонов. Он, развивая учение С.А. Шейфера о взаимосвязи поисково-познавательных методов и процессуальной формы, подошел к рассмотрению проблемы с точки зрения взаимосвязи расспроса как поисково-познавательного метода и процессуальной формы действия, направленного на собирание доказательств. С.И. Леонов утверждает, что показания как вид процессуальной формы сведений могут быть сформированы только в ходе тех следственных действий, где основным поисково-познавательным методом является расспрос, и при этом расспрос предполагает лишь передачу информации, до этого не существующей, без каких-либо промежуточных действий. Исходя из этого, показания могут быть получены только в ходе допроса и очной ставки. В ходе

С. 263-265; Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2004. С. 6; Шалумов М. Собирание и оценка доказательств по уголовному делу // Законность. 2005. С. 2-3.

¹ См., например: Новиков С.А. Понятие «показания» по новому уголовно-процессуальному законодательству: необходимые уточнения // Российский судья. 2002. № 6. С. 9.

² См. Рахунов Р.Д. Признание обвиняемым своей вины. М., 1975. С. 13.

³ Будников В.Л. Показания в уголовном судопроизводстве. С. 28.

⁴ См.: Федоров А.А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 46.

предъявления для опознания опознающих совершаются дополнительные действия по получению информации (отождествление), в ходе проверки показаний на месте и следственного эксперимента расспрос является вспомогательным методом (сущность действий – получение невербальной информации), поэтому в ходе данных действий формируются не показания, а иная процессуальная форма сведений¹.

Как отмечалось ранее, вид информационного сигнала не может являться единственным критерием решения вопроса о виде источника сведений о фактах. Решение этого вопроса не может существовать без учета процессуальной формы преобразования информационного сигнала. Она во взаимосвязи с используемым поисково-познавательным методом, физической природой информационного сигнала определяет вид источника доказательств. С этих позиций следует подходить к проблеме следственных действий, в ходе которых могут быть получены показания.

Вербальная информация может быть получена при производстве большинства процессуальных действий. Однако цель получения вербальной информации в качестве основного вида информации стоит при производстве допроса, очной ставки, назначении судебной экспертизы, предъявлении для опознания, запросе, требовании производства ревизий и документальных проверок, поручении на проведение специальных исследований, получении объяснений². При этом нельзя не учитывать, что получение устной вербальной информации, с одной стороны, и письменной вербальной информации с другой стороны, имеет существенные особенности в связи с различием физической природы информационного сигнала. Отсюда следует, что в качестве основной информации устная вербальная информация выступает лишь при производстве таких процессуальных действий, как допрос, очная ставка, предъявление для опознания, получение объяснений. При этом следственными действиями, т.е. действиями, осуществляемыми в особой, относительно детальной процессуальной форме, являются лишь первые три. Итак, при производстве допроса, очной ставки, предъявлении для опознания основным поисково-познавательным методом является метод расспроса, получаемая информация – устная вербальная, процессуальная форма получения такой информации – относительно детальна, обогащена рядом процессуальных гарантий и позволяет считать данные действия следственными. Изложенные характеристики (поисково-познавательный метод, природа информационного сигнала, процессуальная форма) дают основания рассматривать как аналогичный и результат таких действий – вид источника фактических данных, формируемый в ходе данных действий.

¹ См.: Леонов С.И. Расспрос как познавательный метод получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010. С. 41-56; 153-174.

² Там же. С. 53-54.

Предъявление для опознания – действие генетически производное от допроса¹. Действительно, опознающий, по сути, допрашивается по поводу результатов проведенного им отождествления. То обстоятельство, что он воспринял значимые обстоятельства (предъявленные для опознания объекты) и произвел действия по установлению тождества в рамках процессуального действия, а не вне уголовного процесса, не меняет приведенных выше характеристик полученной информации. Так, несмотря на то, что обладание информации о производстве процессуального действия участниками судопроизводства становится возможным в случае их участия в этих действиях, не исключается допрос этих лиц об обстоятельствах производства действия с целью решения вопроса о допустимости полученного доказательства².

На основании изложенного полагаю возможным сделать вывод, согласно которому показания, как процессуальная форма сведений, могут быть получены при производстве допроса, очной ставки и предъявлении для опознания. Кроме того, представляется возможным определить *показания* как процессуальную форму сообщения (сведений) лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, сделанного в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых опрашиваемый сообщил в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

§ 2. Гносеологические особенности формирования показаний

Доказывание в уголовном процессе представляет собой урегулированный уголовно-процессуальным законом процесс познания и удостоверения тех событий и явлений, которые имеют значение для правильного разрешения уголовного дела. Уголовно-процессуальное познание (доказывание) является наиболее важной и сложной частью деятельности органов, осуществляющих уголовное судопроизводство. З.З. Зинатуллин справедливо

¹ См. об этом, например: Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1958. С. 314; Советский уголовный процесс / под ред. И.Д. Перлова. М., 1962. С. 178 и далее.

² Справедливости ради, следует отметить, что некоторые авторы считают невозможным допрос следователя, дознавателя не только о полученной в ходе следственного действия информации (что понятно), но и о выполнении им требований закона по обеспечению прав участников следственного действия. См.: Лазарева В.А. Попов Д.В. Проблемы использования свидетельских показаний в уголовном процессе. М. : «Юрлитинформ», 2009. С. 79-80.

отмечает: «В теории и практике уголовного процесса нет ни одной проблемы, ни одного вопроса, которые не были бы связаны с уголовно-процессуальным доказыванием. Без уголовно-процессуального доказывания уголовный процесс немыслим, ибо он представлял бы собой, по существу, лишь грудку теоретических постулатов»¹.

Особенности информационного аспекта уголовно-процессуального познания заключаются, во-первых, в том, что познание в уголовном процессе облечено в процессуальную форму и осуществляется в строгом соответствии с нормами уголовно-процессуального права; во-вторых, познание в уголовном процессе осуществляется в строго определенные законодателем сроки; в-третьих, доказывание осуществляется уполномоченными субъектами; в-четвертых, предметом доказывания в уголовном процессе служит ограниченный круг фактов и обстоятельств, характеризующих конкретное единичное событие объективной действительности, установление которых необходимо для правильного разрешения уголовного дела; в-пятых, все информационные процессы в уголовном судопроизводстве направлены на установление событий прошлого; в-шестых, уголовно-процессуальное познание может осуществляться не любыми, а лишь строго определенными законом средствами; в-седьмых, в уголовном процессе познавательная деятельность всегда сопровождается удостоверением познанного².

Поскольку доказывание – разновидность познания человеком окружающей его действительности, одной из гносеологических проблем является проблема возможности непосредственного познания обстоятельств, подлежащих установлению по уголовному делу.

Разрешение этого вопроса является особенно важным для понимания гносеологических закономерностей формирования показаний. Широко известно часто используемое в научных работах мнение В.Д. Спасовича, который указывал на два возможных источника человеческого познания, в том числе и в сфере уголовного судопроизводства: опыт и разум, где опыт – прямое наблюдение, а разум – умозаключение. Опыт В.Д. Спасович классифицирует на а) опыт непосредственно самого изыскателя; б) опыт посредственный или предание, т.е. усвоение себе изыскателем значимых для уголовного судопроизводства убеждений других лиц, которые в свою очередь должны быть получены чувственным наблюдением³. Таким образом, В.Д. Спасович подчеркивает гносеологические особенности, имеющие место при получении и использовании показаний в уголовном судопроизводстве.

¹ См.: Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: Концептуальные основы : монография. Ижевск, 2002. С. 3.

² См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 31-45.

³ См.: Спасович В.Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. М. : «ЛексЭст», 2001. С. 8.

Итак, по В.Д. Спасовичу, показания – «опыт посредственный». Означает ли это, что познание посредством показаний – опосредованное либо опосредованным является лишь восприятие? Различаются ли этапы познания при получении показаний и иных источников сведений о фактах?

Должностное лицо, осуществляющее производство по делу, может лично воспринимать отдельные обстоятельства, в том числе и подлежащие доказыванию, например последствия преступления, его орудия. Однако, во-первых, личное восприятие даже обстоятельств, подлежащих доказыванию, – этап в познании собственно преступного события; во-вторых, такое восприятие обстоятельств следователем, дознавателем приобретает форму лишь сведений о них в материалах уголовного дела, т.е. форму доказательств. Именно этими сведениями, изложенными в протоколах, а не собственным познавательным образом и оперирует впоследствии должностное лицо, ведущее производство по делу. При этом изложенные в протоколе сведения существуют самостоятельно, дистанцируются от познавательного образа следователя, приобретают некоторую автономность, в том числе и потому, что удостоверяются подписями иных участников следственного действия, корректируются в зависимости от их замечаний.

С.А. Шейфер полагает, что в онтологическом плане доказывание – всегда опосредованное познание; в логическом плане доказывание может быть как опосредованным, так и непосредственным познанием (непосредственное познание – познание доказательственных фактов, т. е. формирование аргументов для умозаключений о предмете доказывания и его отдельных элементах; опосредованное – познание, осуществляемое путем оперирования доказательственными фактами); в гносеологическом аспекте, т.е. в аспекте развития познавательной деятельности, непосредственное познание – его чувственно-практический уровень, когда субъектом познания осуществляется непосредственный контакт с материальными предметами, физическими процессами, людьми, т. е. реальными явлениями действительности, связанными с событием прошлого и несущими информацию о нем¹.

Таким образом, С.А. Шейфер опосредованным считает познание, осуществляемое посредством доказательственных фактов (логический аспект) на рациональном уровне (гносеологический аспект), все уголовно-процессуальное познание (онтологический аспект).

С этих позиций получение показаний – непосредственное познание с точки зрения логического и гносеологического аспекта. С точки зрения онтологического аспекта все уголовно-процессуальное доказывание является опосредованным познанием, а потому формирование показаний не отличается от формирования иных видов источников сведений о фактах.

¹ См.: Шейфер С.А.. Собрание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. Саратов, 1986. С. 15-16.

В.А. Лазарева, судя по всему, считает любую форму познания в уголовном судопроизводстве – опосредованным познанием. Данный автор отмечает, что «следы, которые восприняты следователем непосредственно, не могут быть сохранены в материалах уголовного дела иначе, как путем описания всего наблюдаемого в протоколе следственного действия. ... и непосредственно наблюдаемые следователем явления опосредуются его мыслительной деятельностью, следовательно, протокол следственного действия не является точной копией первичной информации. Следующие же субъекты процессуальной деятельности осуществляют познание следов преступления лишь посредством ознакомления с протоколом, являющимся результатом опосредованного восприятия»¹. «Непосредственным свидетелем события преступления, - переходит В.А. Лазарева к сущности формирования показаний, - возможно, был и очевидец, но и его восприятие опосредовано мыслительной и иной психической деятельностью, сообщение свидетеля о событии нетождественно самому событию, поэтому, допрашивая такого свидетеля, следователь получает уже опосредованные знания»². И далее: «даже в процессе непосредственного контакта со свидетелем, как носителем информации, познание самого интересующего следствие или суд факта все же является опосредованным, ибо следователь, как и суд, «видит» событие «глазами свидетеля»³.

Таким образом, и такой подход к непосредственному и опосредованному познанию свидетельствует, что принципиальной разницы между формированием показаний и иных видов процессуальной формы сведений не существует.

А.Б. Соловьев пишет, что следственные действия приводят к установлению обстоятельств преступления не непосредственно, не напрямую, а опосредованно, через собирание информации (сведений), заключенных в различных следах расследуемого события⁴, также не разграничивая показания и иные виды процессуальной формы полученных сведений.

С.И. Леонов, опираясь на положения материалистической теории познания, психологии, аргументирует мысль о некорректности постановки вопроса о непосредственном и опосредованном познании и восприятии. Так, С.И. Леонов отмечает, что восприятие – целостное отражение предметов, ситуаций и событий, возникающее при непосредственном воздействии физических раздражителей на рецепторные поверхности органов чувств. Восприятие неразрывно связано с ощущениями и, хотя не может иметь место без задействования памяти, внимания, тем не менее не существует без

¹ См.: Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практич. пособие. М. : Высшее образование, 2009. С. 22.

² Там же.

³ Там же. С. 23.

⁴ См.: Соловьев А.Б. Система следственных действий как средство уголовно-процессуального доказывания (проблемы уголовного процесса и криминалистики). С. 43.

ощущений. Ощущение – простейшая форма психического отражения, субъективный образ объективного мира. Целостный образ предмета или явления возникает в сознании людей через более высокую форму познания – восприятие, которое возникает на базе ощущений. Восприятие – целостный образ явления, предмета, включающий в себя всю совокупность его свойств, качеств, сторон, отраженных в ощущениях.

Отсюда восприятие – результат ощущений, опосредуется ими. Любые обстоятельства всегда воспринимаются опосредованно, т.е. через непосредственные ощущения. Познание же представляет собой не только ощущение и восприятие, но и абстрактное мышление (понятие, суждение, умозаключение), переходным этапом к которому от живого созерцания является представление – чувственный образ тех предметов, явлений, которые субъект познания воспринимал раньше, но которые в данный момент через ощущения не воспринимаются. Отсюда, делает вывод С.И. Леонов, познание не может быть классифицировано на непосредственное и опосредованное – «это сложный эмпирико-рациональный процесс, заключающийся в восприятии через ощущения определенных объектов, получении представления о них и оперировании представлениями посредством понятий, суждений и умозаключений. Восприятие же всегда опосредовано ощущениями. В этой связи следует согласиться, что познание – опосредствованное отражение человеком окружающего мира через абстракции, понятия»¹.

Таким образом, формирование всех видов процессуальной формы сведений в ходе любых процессуальных действий происходит через познание, опосредованное восприятием и представлением, и восприятие, опосредованное ощущениями.

При формировании показаний значимые особенности имеют закономерности отражения, которые, наряду с некоторыми иными факторами, позволяют вычленять показания в самостоятельные виды процессуальной формы сведений.

Во-первых, существенные особенности имеет субъект, первичного отражения – человек. В.Д. Спасович справедливо замечал, что предание еще в большей степени нуждается в критике, нежели чувственный непосредственный опыт, потому что истина, передаваемая преданием, искажается часто, проходя сквозь призму чужого убеждения, и окрашивается свойственной этой призме цветом. «Шансы ошибки удваиваются, когда истина пройдет сквозь две такие среды, учетверяются, когда через четыре, и так далее; наконец из двадцати уст слышится безобразный миф, уродливое сказание, в котором бесконечно малая доля правды исчезает почти совершенно в растворе обмана, выдумок и лжи»².

¹ См.: Леонов С.И. Указ раб. С. 24-25.

² См.: Спасович В.Д. Указ. раб. С. 8.

Нельзя не согласиться, что место, которое занимает носитель сведений, имеющих доказательственное значение в уголовном процессе, - это часть объекта уголовно-процессуального познания, поэтому носитель сведений подлежит обязательному изучению по уголовному делу. Как правильно отмечает А.А. Давлетов, изучению подлежат:

- свойства носителя информации (объекта – носителя сведений);
- связь носителя информации с обстоятельствами уголовного дела;
- способность носителя отражать информацию;
- способность сохранять информацию¹.

При формировании показаний следует учитывать психологические проблемы восприятия, запоминания, воспроизведения, которые могут решаться индивидуально применительно к каждому лицу, сообщаемому информацию.

Во-вторых, гносеологические особенности формирования показаний связаны с языковыми проблемами. Вовсе не факт, что описание явления в протоколе будет соответствовать образу в сознании допрашивающего.

Принимая во внимание взаимосвязь показаний и образов, остающихся в памяти человека, А.М. Коршунов, например, указывает, что, несмотря на то, что показания выступают средством материализации образа и передачи его содержания, образом они не являются, ввиду отсутствия существенного признака образа – гносеологического сходства с объектом².

Известно, что письменная речь не есть простой перевод устной речи в письменные знаки и обозначения, а представляет собой сознательную целенаправленную деятельность. Письменная речь – наиболее трудная и сложная форма психофизической деятельности. Если учесть при этом неумышленное неправильное восприятие события при первичном отражении, а также умышленное или неумышленное искажение при актуализации и воспроизведении образа, становится ясным, насколько сложен процесс получения достоверной информации посредством вербальной коммуникации.

Опасность искажения информации при вербальной коммуникации определяется тем, что, во-первых, информация может быть неправильно воспринята допрашиваемым лицом (образование первичного следа). Во-вторых, искажение возможно при воспроизведении информации участником следственного действия. В-третьих, идеальный образ объекта, передаваемый должностному лицу, может быть неточно перенесен в протокол посредством письменной речи.

При формировании показаний отражение информации в сознании должностного лица, производящего следственное действие, всегда вторично. Первичное отражение в большинстве случаев является непроцессуаль-

¹ См.: Давлетов А.А. Указ. раб. С. 63.

² См.: Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. М. : Политиздат. 1979. С. 33.

ным, однако не исключается и его протекание в условиях процессуальной формы, например, в случае допроса в качестве свидетеля должностного лица, производившего следственное действие, с целью решения вопроса о допустимости полученных сведений в качестве доказательств либо при отображении информации в сознании опознающего при предъявлении для опознания.

А.В. Победкин полагает, что при формировании показаний имеет место, так называемое, третье отражение – отражение полученной информации в протоколе¹. Полагаю, что рассматривать данную форму отражения в качестве самостоятельной формы – значит разграничивать познавательный образ, переданный должностным лицом, производящим следственное действие, и познавательный образ, зафиксированный в протоколе. Законодатель, как представляется, предполагает, что в протокол должен быть перенесен познавательный образ, воспроизведенный допрашиваемым. Так, показания допрашиваемого лица записываются в протокол от первого лица и, по возможности, дословно (ч. 2 ст. 190 УПК). Такое требование направлено на обеспечение идентичности познавательного образа, переданного допрашиваемым и отраженным в протоколе. Допрашивающий выступает в качестве субъекта, обязанного обеспечить такую идентичность, в том числе и посредством постановки вопросов (ч. 2 ст. 190 УПК). Поэтому полагаем, что при формировании показаний о вторичном отражении следует вести речь не как об отражении информации в сознании должностного лица, производящего следственное действие, а как об отражении информации в протоколе данного следственного действия.

Таким образом, формирование показаний и иных видов процессуальной формы полученных сведений различается, в том числе по этапам и роли отражательных процессов. При формировании показаний вторичное процессуальное отражение является этапом, во-первых, позволяющим, получить сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию (в отличие от формирования заключения эксперта, заключения специалиста, иных документов, где вторичное отражение – инструмент решения вопроса о допустимости, относимости сведений и их использования), во-вторых, обеспечивающим отражение информации в протоколе (в отличие от формирования протоколов следственных действий и судебного заседания, где вторичное отражение лишь иницирует третий этап отражения, на котором транслятором информации является сознание должностного лица, производящего следственное действие).

Таким образом, гносеологические особенности формирования показаний, в отличие от формирования иных видов процессуальной формы сведений о фактах, заключаются, во-первых, в особенностях источника ин-

¹ См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 50.

формации; во-вторых, в связанности вербальных информационных процессов с языковыми проблемами адекватной передачи сведений; в-третьих, в ином количестве и роли этапов отражательных процессов.

Глава 2. Процессуальная форма показаний участников уголовного судопроизводства

§1. Особенности формирования показаний подозреваемого и обвиняемого

Особенности процессуальной формы показаний различных участников процесса связаны с их правовым положением, способом получения, характером сведений, исходящих от них. Г.М. Миньковский справедливо отмечал: «Если психологически «механизм» воспроизведения и запоминания в известных чертах сходен для свидетеля, потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, то «механизм» воспроизведения ими фактических данных на допросе имеет специфику, определяемую отношением лица к делу, наличием или отсутствием заинтересованности в его исходе»¹.

Именно эти особенности обуславливают необходимость отнесения показаний подозреваемого и обвиняемого, потерпевшего (частного обвинителя) и свидетеля, эксперта и специалиста к различным видам такого средства доказывания, как показания, а следовательно, и регламентацию этих видов в различных нормах уголовно-процессуального законодательства². В этой связи особую теоретическую и практическую значимость приобретает сравнительный анализ проблем формирования показаний каждого участника уголовного судопроизводства, разграничение их предмета, содержания, процессуальных правил формирования.

При этом в учебном пособии нет задачи всеобъемлющего анализа порядка формирования всех видов показаний, а считаю необходимым выделить и проанализировать *особенности*, обуславливающие процессуальную форму показаний каждого участника судопроизводства.

Подозреваемый и обвиняемый являются ключевыми фигурами уголовного процесса. В отношении подозреваемого, а затем и обвиняемого в российском уголовном судопроизводстве осуществляется уголовное преследование.

В теории уголовного процесса сложилось несколько подходов к понятию показаний обвиняемого.

С принятием действующего УПК законодательное определение понятия показаний обвиняемого дано в ч. 1 ст. 77 УПК: «показания обвиняемого — сведения, сообщённые им на допросе, проведённом в ходе досудебного производства по уголовному делу или в суде в соответствии с требованиями статей 173, 174, 187-190 и 275 настоящего Кодекса».

¹ См.: Федоров А.А. Указ. раб. С.82.

² См.: Доля Е.А. Проект Общей части УПК Российской Федерации: юридический анализ // Государство и право. 1995. № 5. С. 83-92.

В § 1 гл.1 при анализе общего подхода к понятию показаний обращалось внимание на невозможность рассмотрения показаний как процесса передачи сведений, т.е. как устной речи, в связи с чем акцент законодателя на результате сообщения в определении показаний представляется важным. Однако в данном определении усматривается несколько слабых мест. Во-первых, процессуальная форма доказательств смешивается с содержанием, во-вторых, принципиально подчеркивается, что показания могут быть даны только в ходе допроса (даже статья 192 УПК, предусматривающая порядок производства очной ставки, не упоминается в числе норм, позволяющих получить показания обвиняемого); в-третьих, ст.77 УПК, посвященная показаниям обвиняемого, не содержит указания на предмет показаний этого участника судопроизводства. Последнее обстоятельство представляется особенно важным применительно к показаниям обвиняемого и подозреваемого, поскольку особенности правового положения данных лиц неизбежно обуславливают особенности предмета показаний.

Поскольку показания могут быть получены не только в ходе допроса, это обстоятельство должно быть отражено в определении и, кроме того, указаны статьи УПК, в соответствии с которыми формируются показания.

В литературе концептуально верно предлагалось учитывать это обстоятельство при определении показаний обвиняемого: «под показаниями обвиняемого в новом уголовном процессе России следует понимать относящиеся к делу допустимые по форме и содержанию сведения, сообщённые обвиняемым на допросе, на очной ставке, при проверке показаний на месте и при предъявлении для опознания в ходе предварительного расследования или судебного разбирательства»¹. Однако диссертант придерживается взгляда на показания как на процессуальную форму сведений, полученных в ходе допроса, очной ставки и предъявления для опознания.

Кроме того, следует учитывать, что показания обвиняемого могут быть сформированы не только в ходе предварительного расследования и в судебном разбирательстве. Допрос обвиняемого представляется возможным и в ходе предварительного слушания, и в ходе апелляционного производства, и в результате непосредственного исследования доказательств в кассационном производстве (ч. 4 ст. 377 УПК).

Несмотря на то, что ч. 8 ст. 234 УПК допускает в ходе предварительного слушания для решения вопроса о допустимости доказательств по ходатайству сторон допрос любых лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов, лишь в качестве свидетелей, представляется, что нет оснований для лишения обвиняемого возможности дать показания о данных обстоятельствах в ходе предварительного слушания. В

¹ См. об этом: Кузнецова Ю.В., Тихонов А.К., Громов Н.А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе // Следователь. № 1. 2004. С. 12.

этой связи ч. 8 ст. 234 УПК может быть изложена в следующей редакции: «По ходатайству сторон в ходе предварительного слушания могут быть допрошены любые лица, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов»¹.

Возможность производства допроса подсудимого в ходе апелляционного производства вытекает из положений ст. 365 УПК.

Пленум Верховного Суда Российской Федерации, первоначально разъяснивший, что при производстве в суде кассационной инстанции под непосредственным исследованием доказательств следует понимать исследование материалов, уже имеющих в уголовном деле², в последующем исключил данный пункт³. Это дает основание полагать, что непосредственное исследование доказательств в суде кассационной инстанции осуществляется по правилам гл. 37 УПК.

Вопрос о предмете показаний обвиняемого также достаточно дискусионен.

УПК РСФСР 1960 г. предусматривал, что обвиняемый вправе дать показания по предъявленному ему обвинению, а равно по поводу иных известных ему обстоятельств по делу и имеющих в деле доказательств (ч. 1 ст. 77 УПК РСФСР 1960 г.). Действующий УПК обходит этот вопрос.

А.В. Победкин полагает, что предмет показаний обвиняемого включает в себя сведения обо всех обстоятельствах, входящих в предмет доказывания⁴, и, кроме того, отношение обвиняемого к предъявленному обвинению и к известным ему доказательствам⁵. При этом содержанием показаний обвиняемого могут быть любые сведения, сообщаемые им на допросе⁶ (диссертант полагает, что и на очной ставке и в ходе предъявления для опознания).

¹ Указание на невозможность допроса лиц, обладающих свидетельским иммунитетом, должно быть исключено в связи с известным решением Конституционного Суда Российской Федерации. См.: По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 13-П // Собрание законодательства РФ. 2004. № 27. Ст. 2804.

² О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 5 марта 2004 г. № 1. П. 12 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 5.

³ О применении норм уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 декабря 2008 г. № 28. П. 28 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 3.

⁴ См.: Рахунов Р.Д. Указ. раб. С. 65-68.

⁵ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 280.

⁶ Там же.

Общее правило заключается в том, что к предмету показаний (допроса) обвиняемого относятся лишь те обстоятельства, о которых обвиняемый может сообщить сведения о фактах, за исключением ответа обвиняемого на вопрос об отношении к предъявленному обвинению. Этот вопрос должен быть в обязательном порядке задан обвиняемому, т.е. входит в предмет его допроса, однако ответ на него доказательством не является, т.к. не содержит сведений о фактах¹.

В литературе до настоящего времени продолжается дискуссия относительно необходимости постановки перед обвиняемым этого вопроса. Некоторые авторы по разным причинам считают необходимым отказаться от этого вопроса². Другие ученые предлагали задавать такой вопрос как резюме допроса³. Есть мнение, что ставить данный вопрос следователь должен в начале допроса, а ответ на него фиксироваться по окончании допроса⁴.

Придерживаюсь мнения тех авторов, которые настаивают отказаться от обязательной постановки перед обвиняемым данного вопроса, однако не по причине того, что ответ на него может противоречить содержанию дальнейших показаний (А.В. Победкин) и не потому, что постановка такого вопроса ведет к обвинительному уклону (А. Черкасов, Н. Громов) или оказывает завуалированное психологическое давление на обвиняемого, (Ю.В. Кузнецова, А.К. Тихонов, Н.А. Громов)⁵, ограничивая его право на дачу показаний или отказ от них, а в связи с тем, что его постановка не имеет отношения к предмету доказывания, ответ на него не рождает доказательства и на практике грозит опасностью подменить анализ сообщенным обвиняемым сведениям о фактах ссылкой на его отношение к обвинению.

Так, из материалов уголовного дела № 191085 следует, что обвиняемый К. на допросе после предъявления ему обвинения заявил, что признает свою вину частично. Однако затем на том же допросе он показал, что все вменяемые ему в вину преступные деяния он в действительности не совершал и чувствует себя честным человеком. При этом в обвинительном заключении, перед изложением краткого содержания его показаний, при-

¹ Там же.

² См.: Шаламов М.П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого // Сов. государство и право. 1956. № 8. С. 48; Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание : учебное пособие. Ижевск, 1993. С. 43; Черкасов А., Громов Н. О допросе обвиняемого с позиции презумпции невиновности // Государство и право. 1995. № 12. С. 70; Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М. : «Юрлитинформ», 2009. С. 281.

³ См. Рахунов Р.Д. Указ. раб. С. 99.

⁴ См. Васильев А.Н., Карнеева Л.М. Тактика допроса. М., 1970. С. 125.

⁵ См.: Кузнецова Ю.В., Тихонов А.К., Громов Н.А. // О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе. 2004. № 1. С. 11.

водятся сведения о признании обвиняемым своей вины в совершении преступления¹.

Это обстоятельство, однако, не исключает, что такой вопрос может быть задан обвиняемому при необходимости (например, для решения вопроса о степени его раскаяния), равно как и доведение обвиняемым своего отношения к обвинению по собственной инициативе.

В этой связи, в целом поддерживая предложение С.И. Леонова о необходимости предусмотреть в ст. 77 УПК предмет показаний обвиняемого, считаю необходимым уточнить это предложение. Так, С.И. Леонов видит предмет показаний обвиняемого в следующей формулировке: «Обвиняемый может быть допрошен об отношении к предъявленному обвинению, по существу обвинения, а также об иных обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства по данному делу»². Полагаю, что в законодательном определении предмета показаний обвиняемого следует разграничить обстоятельства, о которых вопросы обвиняемому должны задаваться обязательно (при его согласии дать показания) и обстоятельства, о которых он может быть допрошен. В этой связи предлагается следующая формулировка ч. 2 ст. 77 УПК: «При согласии обвиняемого дать показания, он допрашивается по существу предъявленного обвинения. Обвиняемый может быть допрошен и об иных обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу».

В ч. 3 ст. 77 УПК содержится формулировка, на первый взгляд, колеблющая представление о равной доказательственной ценности показаний обвиняемого, признающего свою вину, и иных видов источников сведений о фактах: «Признание обвиняемым своей вины в совершении преступления может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении его виновности совокупностью имеющихся по уголовному делу доказательств».

В ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР содержалась несколько иная формулировка: «Признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения лишь при подтверждении признания совокупностью имеющихся доказательств по делу».

А.В. Победкин, на наш взгляд, обоснованно усматривает, что терминологическое различие («подтверждение признания совокупностью доказательств» в УПК 1960 г. и «подтверждение виновности совокупностью доказательств» в действующем УПК) может иметь существенное значение для определения роли в уголовно-процессуальном доказывании показаний обвиняемого, признающего свою вину. В первом случае речь идет как о подтверждении виновности системой доказательств вне зависимости от показаний обвиняемого, так и подтверждении отдельных элементов пока-

¹ См.: Уголовное дело № 191085 // Архив Орловского районного суда Орловской области.

² Леонов С.И. Указ. раб. С. 103-104.

заний обвиняемого, признающего вину. Во втором – лишь о подтверждении виновности самостоятельной системой доказательств («параллельное подтверждение»)¹. В этой связи формулировка ч. 2 ст. 77 УПК РСФСР 1960 г. представляется А.В. Победкину более удачной.

Кроме того, недостаточно ясно, что законодатель имеет в виду под сочетанием «признание обвиняемым своей вины может быть положено в основу обвинения». «Буквальное толкование ч. 2 ст.77 УПК позволяет считать признание обвиняемым своей вины основой обвинения и не соответствует смыслу, заложенному законодателем»². Действительно, законодатель, формулируя ч. 2 ст. 77 как УПК РСФСР 1960 г., так и действующего УПК, наверняка полагал, что показания обвиняемого, признающего свою вину, могут быть стать основанием обвинения вместе с иными доказательствами, а не сами по себе стать основой (т.е. главной опорой) обвинения.

Отсюда в ч. 2 ст. 77 УПК речь идет об основе обвинения не как о некоем главном элементе, а как о совокупности доказательств, дающей основание обвинять лицо в совершении преступления.

Также следует учитывать, что показания обвиняемого, признающего свою вину, могут быть положены в основу обвинения лишь как деятельности по дальнейшему уголовному преследованию, но не в качестве основы обвинительного тезиса, поскольку на момент вынесения постановления о привлечении в качестве обвиняемого показания обвиняемого еще не могут существовать. Возможно, законодатель имеет в виду признание обвиняемым своей вины, состоявшееся в качестве иного участника судопроизводства (например, в качестве подозреваемого). Однако тогда точнее было бы употреблять не наименование субъекта уголовного процесса, а вести речь о признании лицом своей виновности в совершении преступления.

Кроме того, в действующей редакции ч. 2 ст. 77 УПК вряд ли достаточно указание на признание вины. Представляется, что точнее вести речь о признании виновности. Согласно п. 2 ч. 1 ст. 73 УПК доказыванию подлежит именно виновность лица в совершении преступления. «Виновность» как уголовно-процессуальный термин шире уголовно-правового термина «вина», поскольку связан не только с субъективным отношением к содеянному, но и с фактом наличия события преступления и фактом совершения деяния обвиняемым³. По этой же причине С.И. Леонов вполне обоснованно не соглашается с предложением⁴ изменить редакцию ч. 2 ст.173 УПК и отразить в ней обязанность следователя в начале допроса выяснить у обви-

¹ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 287.

² Там же.

³ См.: Кокорев Л.Д., Кузнецов Н.П. Уголовный процесс: доказательства и доказывание. С. 71.

⁴ См.: Андросенко Н.В. Признание лицом своей вины в совершении преступления и его правовые последствия : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 8, 14.

няемого, признает ли он свою «вину» в совершении преступления, а не «виновность»¹.

Кроме предмета, показания обвиняемого отличаются от показаний иных участников судопроизводства особенностями процессуального статуса обвиняемого, связанными с дачей показаний и некоторыми процедурными правилами их формирования.

Обвиняемый не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний и за дачу заведомо ложных показаний. Право обвиняемого отказаться от дачи показаний закреплено в п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК. При согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден о том, что его показания могут быть использованы в качестве доказательств по уголовному делу, в том числе и при его последующем отказе от этих показаний (п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК). Поскольку свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК, есть основание полагать, что обвиняемый (подозреваемый) обладают свидетельским иммунитетом. В.А. Лазарева и Д.В. Попов отмечают, что свидетельским иммунитетом могут обладать лишь свидетели, т.е. лица, которые при отсутствии такового иммунитета несли бы соответствующую обязанность давать показания. Право не свидетельствовать против самого себя – привилегия против самообвинения².

В литературе давно и активно обсуждается вопрос о возможности возложения на обвиняемого уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний, обвиняющих в совершении преступления иных лиц, как за заведомо ложный донос.

В литературе высказаны разные точки зрения на такую возможность.

Весьма распространена идея, согласно которой обвиняемый (подозреваемый) вправе давать заведомо ложные показания, в том числе и соединенные с обвинением иного лица в совершении преступления³. Обосновывается это право в основном тем, что обвиняемый (подозреваемый) имеют право на защиту, которое может быть реализовано, в том числе и путем дачи показаний любого содержания. Другие авторы убеждены, что вышеизложенный подход о недопустимости возложения ответственности на обвиняемого, сделавшего заведомо ложное заявление о причастности к преступлению другого лица, даже если такое заявление является средством собственной защиты от обвинения, противоречит Конституции РФ, Конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также практике Европейского суда по правам человека. Аргументом этого взгляда является то, что такое осуществление права на защиту нарушает права других лиц (дос-

¹ См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 98.

² См.: Лазарева В.А., Попов Д.В. Указ. раб. С. 62.

³ См., например: Куссмауль Р. Право на ложь и право на молчание как элементы права на защиту // Рос. юстиция. 2003. № 2. С. 33-35.

тоинство личности, право на личную неприкосновенность), поэтому обвиняемый должен нести уголовную ответственность за заведомо ложный донос¹. Предлагается и вовсе предусмотреть ответственность обвиняемого за ложные показания в ходе предварительного следствия и в суде, поставить его перед дилеммой: или он молчит либо, если решил дать показания, то несет ответственность за их ложность. Такая идея основана на американском законодательстве, где допускается допрос обвиняемого по собственному делу в качестве свидетеля и возложение на него ответственности за неуважение к суду в случае дачи ложных показаний². А.В. Победкин предлагает дифференцированный подход, разделяя способы защиты от обвинения на материальный и процессуальный. Материальный способ защиты (действия, направленные на опровержение существа обвинения) предполагает возможность дачи обвиняемым (подозреваемым) ложных показаний об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в том числе сопряженных с заведомо ложным обвинением другого лица в совершении преступления, если такие показания рассматриваются лицом, их дающим, как средство защиты от обвинения (подозрения). Процессуальный способ защиты (оспаривание законности действий должностных лиц по обоснованию обвинения или подозрения, например, заявление ходатайств о признании доказательств недопустимыми в связи с нарушением процессуальной формы при их получении) не предполагает возможности заведомо ложных показаний о процессуальных нарушениях, якобы допущенных должностными лицами, осуществляющими производство по делу. «Если содержанием таких показаний является заведомо ложное обвинение должностного лица в совершении преступления, то должен ставиться вопрос о привлечении обвиняемого (подозреваемого) к уголовной ответственности за заведомо ложный донос, как в том случае, когда обвиняемый (подозреваемый) давали такие показаний из мести или по иным мотивам, так и в случае, когда причиной заведомо ложного доноса явилось лишение обвинения его основания»³.

Последняя позиция во многом (однако не в полной мере) совпадает с позиций Верховного Суда РСФСР, изложенной в Постановлении Президиума по конкретному делу. Суть ее в том, что в случае, когда обвиняемый дает заведомо ложные показания, касающиеся других лиц, заявляя, например, что преступление совершил не он, и указывает на другое лицо как на преступника или принижает свою роль в совершении преступления за счет соучастников, его действия надлежит рассматривать как допустимый метод защиты. Однако если заявление обвиняемого, содержащее заведомо

¹ См.: Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В. Уголовно-процессуальное доказывание. М., 2002. С. 34.

² Правовая и криминологическая оценка нового УПК РФ : научно-практическая конференция // Государство и право. 2002. № 1. С. 100.

³ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 278.

ложный донос, не было продиктовано соображениями защиты по поводу предъявленного обвинения и не имело отношения к установлению обстоятельств по расследуемому в отношении него делу (например, желание отомстить следователям путем заведомо ложного доноса о незаконных методах ведения следствия) субъектом заведомо ложного доноса может быть подозреваемый и обвиняемый¹.

Таким образом, надо полагать, согласно позиции высшего судебного органа общей юрисдикции в случае, когда обвиняемый (подозреваемый) заведомо ложно сообщает о факте совершения преступления должностным лицом, ведущим производство по делу, по соображениям защиты (например, с целью лишения обвинения основания), привлечение его к ответственности по ст. 306 УК невозможно.

О.Я. Баев, сомневаясь в корректности подхода Верховного Суда РСФСР, отмечает, что уголовный закон не содержит никаких исключений относительно ответственности обвиняемого (подозреваемого) за заведомо ложный донос и полагает это справедливым, поскольку лицо, заведомо ложно оговариваемое в совершении преступления подозреваемым, обвиняемым неизбежно претерпевает многочисленные крайне негативные для себя последствия, в том числе ограничение его конституционных прав и свобод. Отсюда О.Я. Баев не признает допустимым средством защиты заведомо ложный донос подозреваемого или обвиняемого о совершении вменяемого ему в вину преступления иным лицом и предлагает дополнить УК нормой, предусматривающей ответственность за заведомо ложный донос лица, в отношении которого осуществляется уголовное преследование².

Обвиняемый (подозреваемый) должен знать о возможной уголовной ответственности за заведомо ложный донос, учиненный в том числе и в момент дачи им показаний. В этой связи целесообразно было бы дополнить п. 3 ч. 4 ст. 47 УПК положением о том, что при согласии обвиняемого дать показания он должен быть предупрежден об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, предусмотренной ст. 306 УК (или иной статьей УК в случае реализации вышеизложенного предложения О.Я. Баева). Аналогичные дополнения следует внести в п. 2 ч. 4 ст. 46 УПК применительно к подозреваемому³.

¹ См.: Бюллетень Верховного Суда РСФСР. 1990. № 6.

² См.: Баев О.Я. Посягательства на доказательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве. М.: «Юрлитинформ», 2010. С. 151-152.

³ Факт предупреждения об уголовной ответственности за заведомо ложный донос, в любом случае носит лишь предупредительный характер и не выступает в качестве обязательного условия привлечения к уголовной ответственности за преступление, предусмотренное ст. 306 УК. В этой связи есть основания усомниться в утверждении о том, что отсутствие отметки об этом на собственноручном заявлении о преступлении или в протоколе принятия устного заявления о преступлении исключает возможность наступления уголовной ответственности по ст. 306 УК. См.: Баев О.Я. Посягательства на до-

Гносеологически показания подозреваемого сходны с показаниями обвиняемого.

Подозреваемый, как и обвиняемый, – лицо, в отношении которого осуществляется уголовное преследование. Отсюда и процессуальный статус данных участников уголовного судопроизводства во многом совпадает.

Однако подозреваемый – участник судопроизводства, который существует только на досудебных стадиях уголовного судопроизводства¹.

В этой связи нормативное определение его показаний (ч. 1 ст. 76) следует сформулировать следующим образом: «Показания подозреваемого – процессуальная форма сведений, сообщенных им на допросе, очной ставке или в ходе предъявления для опознания в ходе досудебного производства по уголовному делу в соответствии с требованиями ч. 2 ст. 46, ст. 187-190, ч. 1 ст. 223¹ настоящего Кодекса».

В УПК отсутствует статья, регламентирующая порядок допроса подозреваемого. В литературе существуют предложения ввести такую статью в текст УПК. Так, С.И. Леонов считает, что в этой статье должны найти отражение те же гарантии, которые имеют место и при допросе обвиняемого, за исключением требования немедленного допроса подозреваемого после вручения ему копии документа, ставящего лицо в положение подозреваемого, поскольку такое требование может ущемить право подозреваемого на защиту, в частности пользоваться помощью защитника².

Это предложение заслуживает поддержки с учетом необходимости исключить требование обязательной постановки перед подозреваемым вопроса о его отношении к возникшему подозрению по изложенным выше причинам.

Таким образом, показания обвиняемого и показания подозреваемого – самостоятельные виды процессуальной формы сведений, отличающиеся процессуальным статусом субъекта, дающего показания, предметом показаний и некоторыми особенностями порядка их получения.

казательственную информацию и доказательства в уголовном судопроизводстве. М. : «Юрлитинформ», 2010. С. 146.

¹ Исходя из положений ч. 1 ст. 46 УПК, лицо может быть подозреваемым лишь в стадии предварительного расследования. Однако согласно постановлению Конституционного Суда РФ в конституционно-правовом смысле подозреваемым является любое лицо, в отношении которого осуществляются избличительные действия. См.: По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

² См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 99.

§2. Особенности формирования показаний потерпевшего и свидетеля

Законодатель вполне осмысленно включил в содержание п. 2 ч. 2 ст. 74 УПК такие виды процессуальной формы сведений, как показания потерпевшего и показания свидетеля. Эти виды процессуальной формы на первый взгляд однородны в связи с близостью процессуального статуса свидетеля и потерпевшего при производстве следственных действий, связанных с дачей показаний, а также в связи с единым порядком получения показаний. Порядок получения показаний свидетеля и потерпевшего, действительно, единообразен. Однако процессуальная форма показаний определяется не только порядком производства процессуального действия, но и статусом его участников, а также предметом показаний.

Различие в процессуальном статусе применительно к даче показаний заключается в том, что свидетель обязан давать показания, в то время как потерпевший вправе давать показания. Это значит, что при выраженном желании потерпевшего быть допрошенным, отказать в таком ходатайстве нельзя.

Реализация права давать показания – одна из форм обеспечения государством доступа к правосудию (ст.52 Конституции) и реализации общего назначения уголовного судопроизводства – защиты прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступления (п.1 ч.1 ст.6 УПК). В процессе допроса потерпевший может, не ограничиваясь сообщением известных ему сведений, заявить ходатайство, отвод, т.е. реализовать иные (помимо сообщения относимых сведений) представленные ему законом права, что отражается в протоколе допроса и является показаниями, хотя и не доказательствами.

В ч. 2 ст. 277 УПК содержится правило, согласно которому потерпевший с разрешения председательствующего может давать показания в любой момент судебного следствия. По мнению А.А. Петуховского, Н.Г. Шурухнова, данное положение должно распространяться и на предварительное расследование¹. Это так. Поэтому п. 2 ч. 2 ст. 42 УПК целесообразно изложить в следующей редакции: «давать показания в любой момент производства по делу. Ходатайство потерпевшего о допросе подлежит обязательному удовлетворению».

Обозначенное очевидное различие в процессуальном статусе потерпевшего и свидетеля применительно к даче показаний, тем не менее не исключает влияния на процессуальную форму показаний этих участников судопроизводства и других различий в их правах и обязанностях.

¹ См.: Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий : учеб. пособие. М., 2002. С. 28.

Так, потерпевший в отличие от свидетеля вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК), представлять доказательства (п. 4 ч. 2 ст. 42 УПК), участвовать с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя (п. 9 ч. 2 ст. 42 УПК), знакомиться по окончании предварительного расследования со всеми материалами уголовного дела (п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК), получать копии постановлений о возбуждении уголовного дела, признании его потерпевшим или отказе в этом, о прекращении уголовного дела, приостановлении производства по уголовному делу, а также копии приговора суда первой инстанции, решений судов апелляционной и кассационной инстанций (п. 13 ч. 2 ст. 42 УПК). Наличие этих прав у потерпевшего неизбежно влияет на предмет его показаний.

Различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля подчеркивает и законодатель. В предмет показаний потерпевшего законодатель включил сведения о любых обстоятельствах, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, в том числе о взаимоотношениях с подозреваемым, обвиняемым (ч.2 ст.78), а в предмет показаний свидетеля – любые относящиеся к уголовному делу обстоятельства, в том числе сведения о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч.2 ст.79 УПК).

На первый взгляд, в последнем случае содержание сведений может быть намного объемнее сведений, имеющих отношение лишь к обстоятельствам, подлежащим доказыванию по уголовному делу. Однако обстоятельства, подлежащие доказыванию, не ограничиваются только теми, которые указаны в ст. 73 УПК¹. Такими обстоятельствами могут быть как сведения, установление которых необходимо для доказывания промежуточных (доказательственных) фактов, так и сведения, необходимые для принятия различных процессуальных решений (о применении мер принуждения, производстве следственных действий и т.д.).

Р.В. Костенко верно указывает, что определение понятий «показания потерпевшего» и «показания свидетеля» предполагает совершенно любые по содержанию сведения, сообщенные на допросе². С его точки зрения ст.ст. 78, 79 УПК также необходимо уточнить, указав, что сведения должны устанавливать наличие или отсутствие обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по уголовному делу, а также иных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела».

Автор солидарен с тем, что любые обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, должны быть доказаны³, поэтому если бы усматривалась необходимость унифицировать предмет показаний потерпевшего и

¹ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 122.

² См.: Костенко Р.В. Указ. раб. С. 34.

³ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 111.

свидетеля, то вполне достаточно было бы определить его через «обстоятельства, имеющие значение при производстве по уголовному делу» или «обстоятельства, подлежащие доказыванию», что представляет собой тождественные понятия.

Именно такой путь предлагает С.И. Леонов – предмет допроса¹ потерпевшего и свидетеля должен быть унифицирован путем указания на то, что они могут быть допрошены о любых обстоятельствах, имеющих значение для уголовного судопроизводства по данному делу, в том числе об их взаимоотношениях с иными участниками судопроизводства. Соответствующие изменения С.И. Леонов предлагает внести в ч. 2 ст. 78 и ч. 2 ст. 79 УПК².

Полагаем, что вышеуказанное различие в процессуальном статусе неизбежно обуславливает различие в предмете показаний потерпевшего и свидетеля. Так, потерпевший, в отличие от свидетеля, вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении (п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК). Конституционный Суд Российской Федерации истолковал данную норму как предполагающую обязанность следователя довести до сведения потерпевшего не только сам факт предъявления обвинения конкретному лицу, но и содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого, включая описание фактических обстоятельств инкриминируемого лицу преступления и его юридическую оценку. Отсутствие в названной норме прямого указания на порядок, в соответствии с которым следователь знакомит потерпевшего с предъявленным обвиняемому обвинением, и на обязанность вручить потерпевшему копию постановления не означает, что до окончания предварительного расследования этот участник уголовного судопроизводства не вправе на основании п. 12 ч. 2 ст. 42 УПК ознакомиться с текстом постановления и снять с него копию. Иное противоречило бы закрепленному в ч. 3 ст. 123 Конституции Российской Федерации принципу состязательности и равноправия сторон, на основе которого осуществляется судопроизводство, поскольку ограничивало бы возможности потерпевшего по отстаиванию своей позиции по уголовному делу и оспариванию решений, непосредственно затрагивающих его права и законные интересы³.

¹ Полагаем, предмет допроса и предмет показаний могут рассматриваться как тождественные понятия, т.е. обстоятельства, о которых могут быть заданы вопросы, с тем замечанием, что показания могут быть даны не только на допросе и очной ставке, но и в ходе предъявления для опознания.

² См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 104.

³ По жалобе гражданина Андреева Андрея Ивановича на нарушение его конституционных прав пунктами 1, 5, 11, 12 и 20 части второй статьи 42, частью второй статьи 163, частью восьмой статьи 172 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 11 июля 2006 г. № 300-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 47. Ст. 4940.

Обязанность ознакомить потерпевшего с постановлением о привлечении в качестве обвиняемого с учетом правил о процессуальной аналогии предполагает обязанность ознакомить потерпевшего и с процессуальным актом, ставящим лицо в положение подозреваемого (постановление о возбуждении уголовного дела, постановление об избрании меры пресечения, протокол задержания, уведомление о подозрении в совершении преступления). В этой связи п. 1 ч. 2 ст. 42 УПК должна включать следующее: «знать о возникшем подозрении, предъявленном обвиняемому обвинении, получать копии постановления о привлечении в качестве обвиняемого, а также процессуальных актов, ставящих лицо в процессуальное положение подозреваемого».

Отсюда усматривается и возможность потерпевшего выразить свое отношение к факту привлечения в качестве обвиняемого, постановки лица в процессуальное положение подозреваемого, а также к содержанию соответствующих документов. Сведения о таком отношении – элемент предмета показаний потерпевшего, в отличие от предмета показаний свидетеля, который не имеет права на ознакомление с вышеуказанными обстоятельствами и документами.

Факт ознакомления потерпевшего с имеющимися в уголовном деле доказательствами в случае ознакомления с материалами уголовного дела по окончании предварительного расследования либо участия с разрешения следователя или дознавателя в следственных действиях, производимых по его ходатайству либо ходатайству его представителя, позволяет допрашивающему поставить перед потерпевшим вопросы и об отношении к имеющимся в уголовном деле доказательствам.

Кроме того, несмотря на то, что ч. 2 ст. 198 УПК предоставляет право свидетелю и потерпевшему знакомиться с заключением эксперта лишь в случае, когда экспертиза производилась в отношении них, Конституционный Суд Российской Федерации сформировал правовую позицию, согласно которой правоприменительные органы, обеспечивая на досудебных стадиях уголовного судопроизводства права и законные интересы потерпевшего, при применении взаимосвязанных положений п.11 ч.2 ст.42 и ч. 2 ст. 198 УПК должны предоставлять ему возможность знакомиться с постановлениями о назначении судебных экспертиз независимо от их вида и с подготовленными на их основании экспертными заключениями¹.

Следует заметить, что и свидетель имеет право знакомиться с заключением эксперта, но только если экспертиза производилась в отношении свидетеля (ч. 2 ст. 198 УПК).

¹ по жалобе гражданки Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 года № 430-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2005. № 2.

Таким образом, вопрос об имеющих в деле доказательствах может быть поставлен и перед свидетелем, однако это исключение, так как свидетель знакомится только с заключением эксперта, касающимся самого свидетеля.

Таким образом, предмет показаний потерпевшего отличается от предмета показаний свидетеля. Отсюда представляется сформулировать ч. 2 ст. 78 УПК следующим образом: «Потерпевший может быть допрошен относительно возникшего подозрения, предъявленного обвиняемому обвинения, имеющих в уголовном деле доказательств, а также о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу».

Итак, хотя порядок производства следственных действий, влекущих формирование показаний свидетеля и потерпевшего един, процессуальная форма, являющаяся их результатом, различна.

Понятие потерпевшего закреплено в ч. 1 ст. 42 УПК, где сказано, что «потерпевшим является физическое лицо, которому преступлением причинен физический, имущественный, моральный вред, а также юридическое лицо в случае причинения преступлением вреда его имуществу и деловой репутации. Решение о признании потерпевшим оформляется постановлением дознавателя, следователя или суда¹». В уголовно-процессуальном смысле лицо становится потерпевшим не с момента причинения ему вреда и даже не после начала уголовного процесса, а лишь вследствие того, что составлен специальный процессуальный документ – постановление о признании потерпевшим². Именно от такого потерпевшего затем следователь, дознаватель или суд могут получить показания в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

При этом необходимо учитывать, что лицо должно быть признано потерпевшим немедленно после доказывания факта причинения ему вреда в результате преступления. В этой связи Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что по буквальному смыслу ч. 1 ст. 42 УПК правовой статус лица как потерпевшего устанавливается исходя из фактического его положения: он лишь процессуально оформляется постановлением дознавателя, следователя и суда о признании потерпевшим, но не формируется им³. Об этом же указывается в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации, который признает, что лицо, которому преступле-

¹ Не лишним будет заметить, что решение о признании потерпевшим может быть оформлено и определением суда, о чем следует указать в ч. 1 ст. 42 УПК.

² См.: Рыжаков А.П. Собираение (проверка) доказательств. Показания как средство доказывания: научно-практическое руководство. М. : Издательство «Экзамен», 2007. С. 225-226.

³ См.: По запросу Волгоградского гарнизонного военного суда о проверке конституционности части восьмой статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 18 января 2005 г. № 131-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 24. Ст. 2424.

нием причинен вред, приобретает предусмотренные уголовно-процессуальным законом права и обязанности с момента вынесения дознавателем, следователем, руководителем следственного органа, судом постановления о признании его потерпевшим, Вместе с тем Пленум Верховного Суда России отмечает, что правовой статус лица как потерпевшего устанавливается, исходя из его фактического положения, и лишь процессуально оформляется постановлением, но не формируется им¹.

Невыполнение такой обязанности может привести к тому, что лицо в первую очередь не сможет реализовать свое право быть допрошенным в качестве потерпевшего, существенно ограничит предмет показаний (в том числе за счет невозможности дачи показаний относительно предъявленного обвинения, возникшего подозрения).

Анализируя особенности показаний потерпевшего, отдельные авторы относят к их предмету выводы, объяснения по поводу обстоятельств дела и мнения о них². Вряд ли следует отрицать возможность делать выводы, давать какие-либо объяснения, не связанные с изложением фактов и для свидетеля, а равно и для любого допрашиваемого участника судопроизводства. Однако эти выводы и объяснения, являясь содержанием показаний, не представляют собой доказательств.

Анализ уголовных дел показывает, что практически в 50 % случаев допроса свидетелей и более 85 % случаев допроса потерпевших в их показаниях содержатся сведения, не только отражающие обстоятельства, входящие в предмет показаний, но и оценочные высказывания, выводы и предположения. Едва ли не стандартным вопросом к потерпевшему стал вопрос о том, кого он подозревает в совершении преступления. Показания свидетеля, как и показания потерпевшего, в части предположений не могут иметь доказательственного значения, т.к. не представляют собой сведения о фактах, однако входят в содержание показаний. И.Я. Фойницкий указывал, что «свидетель, приглашаемый для показания о каком-либо конкретном обстоятельстве, не только вправе, но и обязан воздерживаться от суждений о нем и заявления своих мнений. Он призван к тому, чтобы дать суду конкретные указания, из которых право сделать вывод принадлежит не ему, а суду»³. Полагаем, то же относится и к потерпевшему.

В этой связи отдельного рассмотрения требуют положения ст. 75 УПК, определяющие недопустимые доказательства. В ч. 2 ст. 75 УПК указаны основания для признания доказательств недопустимыми. Одним из них является признание недопустимыми доказательствами показаний по-

¹ См.: О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газ. 2010. 7 июля.

² См., например: Порубов Н.И. Допрос в уголовном судопроизводстве. Минск, 1968. С. 126-130.

³ См.: Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. Т. 2. СПб., 1996. С. 280.

терпевшего, свидетеля, основанных на догадке, предположении, слухе, а также показаний свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности (п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК).

Буквальный анализ п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК дает основание предположить, что в случае, если потерпевший не может указать источник своей осведомленности, то в отличие от показаний свидетеля, такие показания могут быть признаны допустимыми в качестве доказательств. Если потерпевший не может указать на источник осведомленности, то данные сведения не могут быть основаны ни на чем ином, как на догадке, предположении, слухе, а в этом случае согласно п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК недопустимыми должны признаваться как показания свидетеля, так и потерпевшего¹, поэтому в п. 2 ч. 2 ст. 75 УПК слова «а также показания свидетеля, который не может указать источник своей осведомленности», представляется верным исключить.

Итак, показания потерпевшего существенно отличаются от показаний свидетеля особенностями процессуального статуса потерпевшего и свидетеля, предмета показаний этих участников судопроизводства. Исходя из этого, показания потерпевшего и показания свидетеля как виды процессуальной формы сведений следует предусмотреть в разных пунктах ч. 2 ст. 74 УПК.

Свидетель определяется законодателем как лицо, которому могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела и которое вызвано для дачи показаний (ч. 1 ст. 56 УПК). Исходя из этой нормы, многие авторы делают вывод о том, что процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента получения повестки о вызове на допрос. Именно с этого момента у него появляется обязанность явиться и дать правдивые показания. Если же лицо явилось на допрос по собственной инициативе, то в случае принятия решения допросить явившегося, процессуальный статус свидетеля лицо приобретает с момента разъяснения ему прав и обязанностей свидетеля². Существует мнение, что правоспособность свидетеля в случае явки его по собственной инициативе возникает с момента удостоверения личности³. Тот же автор полагает, что правоспособность свидетеля возникает также в момент, когда лицу стало известно о каких-либо обстоятельствах совершенного или готовящегося преступления⁴.

¹ См.: Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. С. 164-165.

² См, например: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 297.

³ См.: Саушкин С.А. Актуальные вопросы теории и практик участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве) : дис. ...канд. юрид. наук. Саратов, 2002. С. 46.

⁴ Там же.

Оба мнения С.А. Саушкина весьма оспоримы. В.А. Лазарева и Д.В. Попов справедливо замечают, что лицо, располагающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но не вызванное на допрос, не несет обязанности дать правдивые показания и потому свидетелем не является¹.

Лицо, хотя фактически и не обладающее информацией, значимой для производства по уголовному делу, но вызванное на допрос в качестве свидетеля, является свидетелем. Конечно, вызов на допрос в качестве свидетеля, как и принятие любых иных процессуальных решений, возможен лишь при условии, что имеется достаточно доказательств, дающих основание обоснованно предположить, что данному лицу может быть известно что-либо значимое для производства по уголовному делу.

Более сложен вопрос о возможности обладания процессуальным статусом свидетеля лицами, которые подлежат привлечению в качестве обвиняемого либо подозреваются в совершении преступления, понесшими вред от преступления, а также в отношении которых установлен запрет на их допрос в качестве свидетеля. Есть мнение, что такие лица свидетелями также не являются².

В случае наличия достаточных доказательств, дающих основание для придания лицу процессуального статуса подозреваемого, обвиняемого или потерпевшего, вызов данного лица для допроса в качестве свидетеля является нарушением уголовно-процессуального закона. Если такие доказательства отсутствуют, то допрос в качестве свидетеля возможен, однако совершение допрашиваемым в качестве свидетеля преступления либо причинение ему преступлением вреда означает, что допрос в качестве свидетеля производится ошибочно. Такое лицо свидетелем не является и может реализовывать права, предоставленные ему законом для соответствующего участника судопроизводства. Л.М. Карнеева справедливо подчеркивала, что показания свидетеля – устное сообщение лица, не несущего ответственность за совершение данного преступления³.

Также не является свидетелем лицо, в отношении которого установлен запрет на допрос в качестве свидетеля. Вызов такого лица для допроса в качестве свидетеля также является нарушением уголовно-процессуального закона.

Данный вопрос обострился в связи с принятием Конституционным Судом Российской Федерации определения от 6 марта 2003 г. № 108-О⁴,

¹ См.: Лазарева В.А., Попов Д.В. Указ. раб. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ См.: Карнеева Т.М. Показания свидетелей и потерпевших // Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин, изд. 2-е исправленное и дополненное. М. : Юрид. лит., 1973. С. 567.

⁴ См.: По жалобе гражданина Цицкишвили Гиви Важевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 56 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации

где отмечено, что п. 2 ч. 3 ст. 56 УПК, освобождая адвоката от обязанности свидетельствовать о ставших ему известными обстоятельствах в случаях, когда это вызвано нежеланием разглашать конфиденциальные сведения, вместе с тем, не исключает его право дать соответствующие показания в случаях, когда сам адвокат и его подзащитный заинтересованы в оглашении тех или иных сведений. В подобных случаях суды не вправе отказывать в даче свидетельских показаний лицам, перечисленным в ч. 3 ст. 56 УПК, при заявлении ими соответствующего ходатайства. Невозможность допроса указанных лиц при их согласии дать показания, а также при согласии тех, чьих прав и законных интересов непосредственно касаются конфиденциально полученные сведения, приводила бы к нарушению конституционного права на судебную защиту и искажало бы само существо данного права.

Судебная практика не приобрела единообразия при применении указанной правовой позиции Конституционного Суда РФ. В частности, нередко случаи вызова адвоката на допрос и по ходатайству государственного обвинителя с аргументацией необходимости обеспечения равенства прав сторон в ходе судебного разбирательства¹.

Вместе с тем в указанном определении Конституционного Суда РФ речь идет о невозможности отказать в допросе лицам, перечисленным в ст. 56 УПК при заявлении ими соответствующего ходатайства. Представляется, ходатайства иных участников судопроизводства не могут стать достаточным основанием для вызова обозначенной категории лиц на допрос.

В литературе достаточно активно обсуждается понятие и содержание свидетельского иммунитета. Согласно п. 40 ст. 5 УПК свидетельский иммунитет – право лица не давать показания против себя и своих близких родственников, а также в иных случаях, предусмотренных УПК.

Прежде всего, законодатель подчеркивает, что свидетельский иммунитет связан с правом лица не давать показания. Свидетельский иммунитет может иметь только лицо, которое может быть свидетелем².

Свидетелем не может быть лицо, подлежащее привлечению в качестве обвиняемого, подозреваемое в совершении преступления, а также лица, которых прямо запрещено допрашивать в качестве свидетеля.

Отсюда в литературе справедливо предлагается разграничивать понятия «свидетельского иммунитета» и «привилегии против самообвинения»³. Последнее понятие связано с правом лица не свидетельствовать против самого себя. Однако получение самоизобличающих показаний не должно иметь место в ходе допроса лица в качестве свидетеля.

от 6 марта 2003 г. № 108-О // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 21. Ст. 2060.

¹ См.: Яшманов Б., Петелина М. Допрос адвоката // Российская газ. 2008. 12 февр.

² См. об этом, например: Лазарева В.А., Попов Д.В. Указ. раб. С. 62.

³ Там же.

С.И. Леонов отмечает, что российское понимание свидетельского иммунитета несколько отличается от аналогичного термина в других странах. Например, в англо-американском уголовном процессе свидетельский иммунитет означает предоставляемую государством возможность в случае дачи свидетельских показаний освобождения его от уголовного преследования на основании этих показаний. В связи с тем, что понятие «свидетельский иммунитет» в отечественном уголовном процессе вызывает немало нареканий, отличается от апробированных тождественных терминов в зарубежных государствах, С.И. Леонов предлагает вовсе отказаться от его употребления в тексте УПК ст. 5 п. 40, изложить в следующей редакции: «свидетельская привилегия» – право лица, обязанного давать показания, не свидетельствовать против своего супруга, близких родственников» и ввести п. 27¹: «привилегия против самообвинения» – право лица, обязанного давать показания, не давать показаний против себя» и п. 27² следующего содержания: «привилегия обвиняемого и подозреваемого – право лица, обладающего статусом обвиняемого, подозреваемого отказаться от дачи показаний по уголовному делу, при производстве по которому лицо приобрело статус обвиняемого или подозреваемого»¹.

Предложение С.И. Леонова представляется не лишним логики. Однако, как отмечалось выше, лицо, которому могут быть заданы вопросы о его причастности к совершению преступления, не должно допрашиваться в качестве свидетеля. Допрос лиц в части таких показаний должен происходить в качестве подозреваемых или обвиняемых. В литературе высказаны обоснованные предложения предусмотреть в качестве самостоятельного основания приобретения статуса подозреваемого допрос лица о его причастности к совершению преступления². Поэтому вряд ли следует согласиться с необходимостью введения в ст. 5 УПК п. 27² «привилегия обвиняемого и подозреваемого» в предложенной С.И. Леоновым редакции. Вполне достаточно изложить п. 40 ст. 5 УПК в формулировке, предложенной С.И. Леоновым, и ввести п. 27¹ в следующей редакции: «привилегия против самообвинения» – право лица не давать показаний против себя».

Таким образом, свидетеля можно определить как лицо, в отношении которого имеются достаточные основания полагать, что ему могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для производства по уголовному делу и которое вызвано для дачи показаний за исключением лиц, не подлежащих допросу в качестве свидетеля. Данное определение полагаем целесообразным закрепить законодательно в ч. 1 ст. 56 УПК.

Свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение при производстве по уголовному делу. Законодатель конкретизирует эту общую посылку указанием на то, что свидетель может быть до-

¹ См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 94-95.

² См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. М., 2005. С. 248.

прошен о любых относящихся к уголовному делу обстоятельствах, в том числе о личности обвиняемого, потерпевшего и своих взаимоотношениях с ними и другими свидетелями (ч. 2 ст. 79 УПК).

Очевидно, что допрос о личности обвиняемого, потерпевшего и взаимоотношениях с ними и другими свидетелями предполагает не голословное мнение свидетеля, а изложение им сведений об обстоятельствах, характеризующих личность обвиняемого, потерпевшего и свидетельствующих о взаимоотношениях с ними и другими свидетелями.

М.С. Строгович писал по поводу предмета показаний свидетеля: «Характеристика личности обвиняемого и потерпевшего имеет большое значение для правильного расследования дела, ибо обеспечивает успешность допроса свидетеля, сосредоточение внимания допрашивающего и допрашиваемого лишь на тех обстоятельствах, которые относятся к делу»⁵⁵. А.П. Гуськова, рассматривая вопрос о значении показаний свидетеля при установлении обстоятельств, характеризующих обвиняемого, отмечает: «Разносторонние объективные сведения о личности подсудимого могут быть получены при допросе свидетелей...»¹. В связи с тем, что законодатель особое значение придает включению в предмет свидетельских показаний, обстоятельств, характеризующих личность обвиняемого, при анализе судебной практики удалось установить, что всего лишь 2,4% из числа допрошенных свидетелей по уголовным делам давали показания, предметом которых были именно обстоятельства, характеризующие обвиняемого.

Сведения о взаимоотношениях с обвиняемым, потерпевшим и другими свидетелями, действительно, могут быть необходимы для оценки достоверности показаний.

Однако свидетель может быть допрошен и о других значимых для производства по уголовному делу обстоятельствах: об условиях жизни и воспитания несовершеннолетнего, о влиянии на несовершеннолетнего старших по возрасту лиц, о наличии оснований для избрания меры пресечения, применения иных мер процессуального принуждения, производства следственных действий и т.д.

В процессуальной литературе остро обсуждается вопрос о возможности допроса в качестве свидетелей должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу, с целью выяснения обстоятельств производства процессуальных действий и решения вопроса о допустимости полученных доказательств.

В.А. Лазарева и Д.В. Попов отрицают возможность допроса в качестве свидетелей должностных лиц, производивших процессуальные действия, с целью решения вопроса о допустимости полученных в результате таких действий доказательств, с точки зрения указанных авторов такая практика

¹ См.: Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе. Оренбург : Оренбургская сельхозакадемия, 1995. С. 90.

не соответствует смыслу уголовно-процессуального закона¹. Несмотря на то, что Конституционный Суд Российской Федерации не отверг возможность допроса в качестве свидетелей должностных лиц, производивших процессуальные действия, исключив лишь возможность допроса этих лиц о содержании показаний, признанных впоследствии недопустимыми, В.А. Лазарева и Д.В. Попов полагают, что допрос должностных лиц, производивших следственное действие даже исключительно с целью решения вопроса о допустимости доказательства, по сути, является средством уточнения, дополнения и исправления протокола следственного действия, а потому недопустим. Допрос данных лиц с точки зрения указанных авторов возможен лишь об обстоятельствах, лежащих за пределами установленных законом требований к содержанию и форме протокола, т.е. по другим уголовным делам (например, о лжесвидетельстве)².

Законодатель допускает в ходе предварительного слушания допрос в качестве свидетелей любых лиц, которым что-либо известно об обстоятельствах производства следственных действий или изъятия и приобщения к уголовному делу документов (ч. 8 ст. 234 УПК).

Полагаем, что допрос данных лиц в качестве свидетелей, действительно, не всегда правомерен, однако не по причинам, указанным В.А. Лазаревой и Д.В. Поповым. Неправомерен допрос данных лиц в качестве свидетелей в тех случаях, когда имеются сведения о преступных нарушениях, допущенных должностным лицом, производящим процессуальное действие. В таких ситуациях должностное лицо фактически является заподозренным в правонарушении, а иногда и в преступлении. В.В. Золотых вполне обоснованно отмечает, что в случае, когда участники следственного действия заявляют о преступных нарушениях со стороны должностных лиц, производивших процессуальное действие, проверка законности их действий должна осуществляться в рамках проверки сообщения о преступлении³.

Полагаем, в этом случае допрос в качестве свидетеля должностного лица ограничивает его право на защиту. Субъект, производивший следственное действие, может быть допрошен лишь в качестве подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу, в случае, если оно будет возбуждено.

В случае возникновения сомнений в законности действий должностного лица не в результате сообщения о совершении им преступления, проверка законности его действий судом может сопровождаться допросом

¹ См.: Лазарева В.А., Попов Д.В. Указ. раб. С. 76.

² Там же. С. 77-79. Сходного мнения придерживаются и другие авторы. См., например: Курс советского уголовного процесса. Часть общая / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. М. : Юрид. лит., 1989. С. 575.

³ См.: Золотых В.В. Проверка допустимости доказательств в уголовном процессе. Ростов-на-Дону : Феникс, 1999. С. 258-259.

данного лица в качестве свидетеля, который, однако, может воспользоваться положением ст. 51 Конституции РФ и не свидетельствовать против самого себя. Несмотря на то, что в данном случае выясняется не вопрос о причастности должностного лица, производившего процессуальное действие, к преступлению, сообщение им о допущенных им нарушениях должно рассматриваться как свидетельствование против самого себя.

В тех ситуациях, когда сомнение в допустимости полученного доказательства не связано с возможной незаконностью действий субъекта, производившего процессуальное действие, он может быть допрошен в качестве свидетеля.

Допрос данных лиц в качестве свидетелей служит основанием для отвода от исполнения иных процессуальных функций.

Исходя из изложенного, вряд ли целесообразно нормативно конкретизировать общее положение о том, что свидетель может быть допрошен о любых обстоятельствах, имеющих значение для производства по уголовному делу. Однако, как отмечалось выше, допрос лица о его причастности к совершению преступления в качестве свидетеля невозможен.

Также, не должен производиться допрос в качестве свидетеля лица об обстоятельствах, основанных исключительно на его специальных знаниях¹.

Поэтому ч. 2 ст. 79 УПК полагаю целесообразно сформулировать в следующей редакции: «Свидетель может быть допрошен о любых, относящихся к уголовному делу обстоятельствах, за исключением его причастности к совершению преступления и обстоятельствах, основанных на специальных знаниях».

Таким образом, показания свидетеля и потерпевшего различаются по процессуальной форме: процессуальному статусу субъектов, их дающих, и предмету показаний.

§3. Особенности формирования показаний эксперта и специалиста

Эффективное достижение назначения уголовного судопроизводства невозможно без задействования в процессе производства по уголовному делу специальных знаний. Эксперт и специалист – участники уголовного судопроизводства, специальные знания которых, будучи выраженными вербально, облекаются в процессуальную форму и используются в качестве доказательств в уголовном судопроизводстве.

Употребление терминов «эксперт» и «специалист» предполагает лишь процессуальную форму задействования специальных знаний. Непроцессуальная форма консультаций не связана с деятельностью эксперта и специалиста как участников уголовного судопроизводства. Поэтому, не выпол-

¹ Аргументацию этого тезиса см. § 3 гл. 2.

не правильно утверждать, что достижение целей и задач уголовного судопроизводства в силу специфики процесса доказывания как особой познавательной и удостоверительной деятельности, осуществляемой в рамках закона, практически невозможно без консультативно-справочной, вспомогательно-сопроводительной и собственно процессуальной деятельности эксперта и специалиста¹. Специфика процесса доказывания предполагает именно и только процессуальную деятельность эксперта и специалиста.

Законодатель предусмотрел четыре возможных вида процессуальной формы сведений, являющихся доказательствами, связанных с использованием при их формировании специальных знаний: 1) заключение эксперта; 2) показания эксперта; 3) заключение специалиста; 4) показания специалиста.

В настоящее время существенное значение имеет строгое разграничение функций специалиста и эксперта. До принятия действующего уголовно-процессуального закона такое разграничение было достаточно очевидно. Эксперт уполномочен на производство экспертиз, специалист участвует в отдельных следственных действиях с целью оказания содействия должностному лицу, его производящему.

Согласно закону специалист – лицо, обладающее специальными знаниями, привлекаемое к участию в процессуальных действиях для содействия в обнаружении, закреплении и изъятии предметов и документов, применении технических средств в исследовании материалов уголовного дела, для постановки вопросов эксперту, а также для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию (ч. 1 ст. 58 УПК).

Указанная в законодательном определении компетенция специалиста может быть реализована им в трех процессуальных формах: 1) участие в процессуальных действиях, производимых следователем, дознавателем, судом; 2) показания специалиста; 3) заключение специалиста.

Несмотря на то, что в законе в качестве доказательств прямо указаны заключение и показания специалиста (п. 3¹ ч. 2 ст. 74 УПК), позиции некоторых ученых и по сей день связаны с критическим восприятием данного факта. Так, например, Б.Т. Безлепкин полагает, что «отнесение заключения и показаний специалиста к самостоятельной разновидности доказательств пока не имеет научного обоснования»². В.И. Зажицкий также не увидел в заключении и показаниях специалиста «ни правовых, ни фактических

¹ См.: Гришина Е.П., Саушкин С.А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Российский следователь. 2005. № 8. С. 16.

² См.: Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России : учебник. М., 2004. С. 205.

предпосылок для того, чтобы заключение и показания считать средствами доказывания»¹.

Актуальным является вопрос и о соотношении показаний специалиста и показаний свидетеля. Показания лица, обладающего специальными знаниями, в процессуальной литературе нередко называют показаниями «сведущего свидетеля». Однако понимание этого термина разнится.

Одни авторы понимают под «сведущим свидетелем» лицо, которое воспринимало обстоятельство, значимое для производства по уголовному делу, однако в силу обладания специальными знаниями способное дать о нем больший объем информации, чем лицо, которое такими знаниями не обладает. Так, А.В. Константинов отмечает, что специалиста, дающего показания на допросе, нельзя смешивать с так называемым сведущим свидетелем, который был известен уголовному процессу по Уставу уголовного судопроизводства России 1864 г., потому что сведущий свидетель – лицо, наблюдавшее событие или его отдельные обстоятельства и факты, воспринимавшее их под углом зрения своих знаний, опыта, т.е. в аспекте своего профессионализма². Специалист же дает показания об обстоятельствах, свидетелем которых он не был, но о которых обладает сведениями в силу своих специальных знаний. И.Б. Воробьева не связывает определение «сведущий» с существительным «свидетель» и пишет: «Сведущее лицо представляет интерес для следствия лишь постольку, поскольку специальные знания, которыми оно обладает, могут быть использованы при расследовании. Оно не является ни очевидцем преступления, ни лицом, которому что-либо известно о нем из каких-либо источников. Указанные обстоятельства и обуславливают существенные различия в предметах допроса сведущего лица и свидетеля. Поэтому рассматривать сведущее лицо в качестве свидетеля было бы неверно. Отличие сведущего лица от свидетеля состоит и в том, что им не может быть лицо, заинтересованное в деле»³. Здесь «сведущее лицо» - синоним «специалиста».

Некоторые авторы также возражают против придания категории лиц, которые дают показания на основе специальных знаний, а не восприятия кого-либо, факта статуса свидетеля, хотя бы и «сведущего»⁴.

Ю.К. Орлов отличие сведущих свидетелей от остальных усматривает в том, что в показаниях сведущих свидетелей доказательственное значение

¹ См.: Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. 2005. № 6. С. 74.

² См.: Константинов, А.В. Процессуальные и организационные проблемы участия специалиста в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 44.

³ См.: Воробьева И.Б. Допрос лиц, обладающих специальными знаниями // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной практики : межвуз. науч. сб. Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. С. 69.

⁴ См.: Арсеньев В.Д., Заболоцкий В.Г. Использование специальных познаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 74.

имеют также его выводы, умозаключения, сделанные на основе специальных познаний, т.е. предмет показаний сведущих свидетелей составляют мнения, суждения, выводы, диагнозы, и тем не менее выделяет две разновидности сведущих свидетелей: 1) бывших очевидцами какого-то расследуемого события; 2) дающих показания только на основе своих специальных познаний и предыдущего опыта (показания справочного характера)¹. Относительно первой категории Ю.К. Орлов отмечает, что обстоятельства, подмеченные сведущим свидетелем, обычно нуждаются в интерпретации с позиций соответствующих специальных познаний. Поэтому в таких показаниях важны не только «голые» факты, но и их истолкование специалистом². Второй вид показаний «сведущих свидетелей» - показания, которые даются исключительно на основе специальных знаний или предыдущего опыта. Оформлять такие сведения Ю.К. Орлов считает верным не справками или заключениями специалиста, а посредством производства их допросов, так как в последнем случае максимально обеспечиваются гарантии достоверности полученной информации³. В этой связи Ю.К. Орлов, а затем и другие авторы выступили с предложением закрепить в законодательстве эту категорию свидетелей⁴.

А.В. Победкин, на мой взгляд, вполне резонно замечает, что предмет показаний специалиста не могут составлять предположения, мнения, умозаключения. Специалист сообщает о фактах, которые составляют предмет его специальных знаний, например, разъясняет особенности какого-либо технологического процесса, закономерности существования явления и т.д. Эти сведения – не мнения, предположения специалиста. Это результат знания специалистом каких-либо фактов⁵.

Отсюда следует, что по гносеологическим характеристикам показания специалиста являются показаниями свидетеля, «сведущего свидетеля». Однако в связи с определенными особенностями предмета его показаний, допустимо и выделение особой категории показаний – показаний специалиста. В целом можно согласиться с А.А. Давлетовым, отмечающим, что показания свидетеля и специалиста различаются различным характером приобретенного знания⁶.

Однако в таком случае в определении предмета показаний свидетеля необходимо отметить, что их предметом не могут быть обстоятельства, ос-

¹ См.: Орлов Ю.К. Заключение эксперта и его оценка по уголовным делам. М.: Юристъ, 1995. С. 25.

² Там же. С. 5 и др.

³ Там же. С. 25-26.

⁴ Там же; Калинин Ю.А. Участие в уголовном судопроизводстве лиц, обладающих специальными познаниями : автореф. дис. ...канд. юрид. наук. М., 1981. С. 15-17.

⁵ См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 346.

⁶ См.: Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9. С. 16.

нованные на специальных знаниях. Кроме того, предмет показаний свидетеля не ограничивается обстоятельствами, основанными на специальных знаниях.

Показания специалиста – это сведения, сообщенные им на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, а также разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 настоящего Кодекса (ч. 4 ст. 80 УПК).

Исходя из приведенной нормы предмет показаний специалиста двуэлементен: 1) сведения об обстоятельствах, требующих специальных познаний; 2) разъяснение своего мнения в соответствии с требованиями статей 53, 168 и 271 УПК.

В литературе отмечается некоторое несовершенство данной нормы. Во-первых, указание в ч. 4 ст. 80 УПК на статьи 53, 168 и 271 УПК не позволяют четко понять, о каком ранее высказанном мнении идет речь. С.И. Леонов полагает, что это может быть мнение, высказанное в заключении при производстве иного процессуального действия с участием специалиста¹. Во-вторых, может быть сделан ошибочный вывод о том, что показания в форме разъяснения своего мнения в соответствии с требованиями указанных статей в отличие от сведений, сообщенных на допросе об обстоятельствах, требующих специальных познаний, может происходить не только в ходе допроса, но и в ходе иных процессуальных действий.

В подавляющем большинстве случаев сведения относительно обоих элементов предмета показаний специалиста могут быть получены посредством допроса. Не исключается получение показаний специалиста посредством очной ставки. С.И. Леонов в целом справедливо замечает, что участниками очной ставки могут быть любые субъекты, подлежащие допросу, в том числе эксперт и специалист, если существенные противоречия возникли по одинаковым обстоятельствам (очная ставка между двумя экспертами, давшими противоречивые показания относительно обстоятельств, относящихся к предмету комиссионно проведенной экспертизы)².

Полагаю, специалист может быть допрошен относительно мнения, высказанного другим специалистом в заключении или при производстве иного процессуального действия. Если показания допрошенного специалиста существенно отличаются от показаний по этим же обстоятельствам специалиста, давшего заключение или участвовавшего в процессуальных действиях, очная ставка может быть произведена и между ними.

Таким образом, производство очной ставки возможно 1) между специалистами, давшими противоречивые показания относительно обстоятельств, требующих специальных познаний; 2) между специалистами,

¹ См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 101.

² Там же. С. 115.

давшими противоречивые показания относительно мнения, выраженного одним из них в заключении или в ходе иных процессуальных действий.

Формирование показаний специалиста посредством предъявления для опознания исключается.

И. Овсянников уверен, что показания специалиста – это сведения, которые должны сообщаться им на допросе, проведенном только после получения его заключения, в целях разъяснения или уточнения заключения. Показания лица, допрошенного в качестве специалиста, сами по себе (без его заключения) недопустимы в качестве доказательств. Аргументируется это тем, что законодатель, устанавливая в УПК необходимость учета мнения сведущего лица по тому или иному вопросу, неизменно указывает, что это мнение должно быть выражено в форме именно заключения (ч. 4 ст. 187, п. 4 ч. 1 ст. 208, ч. ч. 1, 5 ст. 445, ч. 1 ст. 446 УПК). При отсутствии заключения специалиста следователю можно рекомендовать для установления обстоятельств, требующих специальных познаний, не допрашивать специалиста, а назначать судебную экспертизу¹.

Однако для получения сведений консультационного характера об обстоятельствах, требующих специальных познаний, вовсе нет необходимости назначать судебную экспертизу. Достаточно произвести допрос специалиста.

Иные считают, что такое ограничение предмета допроса не следует из содержания п.3¹ ч.2 ст.74 УПК. А.И. Бельский приводит удачный пример допроса специалиста без предварительной дачи им заключения. В ходе бытовой семейной ссоры гр. Ю. при падении на пол на правый бок от удара гр. А. получил телесные повреждения. При производстве судебно-медицинской экспертизы эксперт указал, что у гр. Ю. имеются переломы ребер справа и слева, что получение перелома ребер слева невозможно при падении на правый бок. Дополнительно допрошенный потерпевший Ю. показал, что около 3 лет назад он получил перелом ребра слева в результате несчастного случая (поскользнулся на улице в зимнее время года). Допрошенный в качестве специалиста врач-рентгенолог Б., осмотрев рентгеновский снимок грудной клетки потерпевшего Ю., показал, что перелом ребра слева является сросшимся, момент образования данного перелома соответствует трехлетней давности².

В литературе высказана точка зрения о том, что сведения консультационного характера могут быть получены как посредством получения показаний специалиста, так и путем получения его заключения, которое может как сопровождаться исследованиями, так и быть проведенным без таковых. При этом при получении показаний специалиста консультационно-

¹ См.: Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. 2005. № 7. С. 35.

² См.: Бельский А.И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 124.

го характера и заключения специалиста того же рода разница заключается в том, что получение показаний специалиста, в отличие от его заключения, исключительная прерогатива должностных лиц, осуществляющих производство по делу, т.е. если заключение специалиста не может быть инициировано судом, то показания специалиста, напротив, могут быть сформированы в ходе допроса специалиста судом¹. Полагаем, что к содержанию заключения специалиста и его соотношениями с показаниями консультационного характера можно подойти с иных позиций. Вряд ли законодатель замыслил возможность получения одной и той же информации дублирующими друг друга способами. Если консультация вполне может быть получена посредством показаний специалиста, для чего предусматривать возможность получения такой же информации посредством заключения специалиста. Тем более, что получение показаний – процесс управляемый непосредственно при получении вербальной информации, т.е. позволяет получить более полную и точную информацию². Отсюда следует, логичный вывод, что заключение специалиста предполагает проведение именно исследований. Кроме того, заключение специалиста, очевидно, предусмотрено в качестве вида процессуальной формы доказательств для обеспечения равных возможностей в части использования специальных знаний стороной обвинения и защиты. Отсюда, если заключение специалиста не предполагает исследований, теряется смысл данной законодательной новеллы³.

Вместе с тем это правило, как представляется, распространяется только на должностных лиц, осуществляющих производство по уголовному делу. Иные участники уголовного судопроизводства, представляющие стороны, не имеют возможности получить консультации посредством допроса специалиста. Отсюда - они могут воспользоваться консультацией специалиста посредством формирования «иного документа».

Изучение материалов уголовных дел, показало, что результаты специальных исследований, проведенных специалистом по инициативе должностных лиц, ведущих уголовный процесс, неизменно именуется справками специалиста, в то время как результаты исследований, проведенных по инициативе защитника, равно как и письменно оформленные по его инициативе сведения консультационного характера (выявлено 6 таких случаев) именуется заключением специалиста.

Таким образом, показания специалиста консультационного характера могут быть получены в том случае, когда от специалиста не требуется проведения исследований.

¹ См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 343.

² См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 13.

³ Более подробно о соотношении показаний и заключения эксперта и специалиста см. §3 гл. 3.

Существует мнение, что имеется возможность получить показания специалиста и без составления им заключения, «если специальные познания специалиста позволяют ему ответить на вопросы следователя или суда путем осмотра или ознакомления с предметами и документами»¹.

Ученые справедливо отмечают, что процесс формирования показаний на стадиях уголовного процесса недоработан. В разделе УПК, регламентирующем производство предварительного следствия, не упоминается такое следственное действие, как допрос специалиста. В соответствии со ст. ст. 58, 164, 168 УПК специалист вовлекается в уголовное судопроизводство именно для участия в производстве следственных действий, а не для получения показаний, как в примере со свидетелем (ч. 1 ст.56 УПК)².

Некоторые авторы даже полагают, что показания специалиста не обладают свойством допустимости вследствие отсутствия детально регламентированной процедуры их процессуального оформления³.

А.Давлетов справедливо считает, что использование компетенции специалиста по двум направлениям: постановке вопросов эксперту, а также разъяснению сторонам и суду вопросов, входящих в профессиональную компетенцию специалиста, не может осуществляться в форме предусмотренного ст.ст. 168, 164 УПК участия в следственном действии. Поскольку здесь специалист выступает в роли источника информации, необходим допрос специалиста, на производство которого в стадии предварительного расследования дозволения нет, а в судебном разбирательстве дается лишь в частной норме (ст. 271 УПК) без закрепления порядка его проведения в гл. 37 УПК, что равнозначно отсутствию разрешения на его проведение. Поэтому допрос специалиста есть самостоятельное следственное действие, подлежащее безотлагательному внесению в УПК РФ⁴.

Есть мнение, согласно которому привлечение специалиста для разъяснения сторонам и суду вопросов, входящих в его профессиональную компетенцию, реализуются только в ходе судебного разбирательства⁵. Е.В. Селина полагает, что для предварительного расследования устной формы общения со сведущим лицом, дающим справку, не предусмотрено, поскольку предварительное расследование не является ни устным, ни непосредственным. Отсюда и результат привлечения специалиста на предварительном расследовании должен оформляться справкой. При этом Е.В.

¹ См.: Зайцева С.А. Специалист и его заключение в уголовном процессе // Следователь. 2004. № 2. С. 18.

² См. об этом: Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. 2003. № 9. С.47.

³ См.: Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. 2007. № 9. С. 58.

⁴ Там же. С. 16.

⁵ См.: Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. М. : Юрлитинформ, 2002. С. 48; Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права. С. 58.

Селина предлагает предусмотреть в УПК возможность допроса специалиста в ходе предварительного расследования, поскольку это действие широко распространено на практике, хотя его результаты сейчас не имеют уголовно-процессуального значения¹.

А.В. Победкин подходит к этой проблеме несколько иначе, полагая, что УПК и ныне позволяет производить в ходе предварительного расследования допрос специалиста, несмотря на то, что прямое указание на возможность допроса специалиста предусмотрено лишь в главе о подготовительной части судебного разбирательства; регламентирующие порядок допроса положения гл. 26 УПК не могут рассматриваться как относящиеся исключительно к допросу свидетеля и потерпевшего. А.В. Победкин отмечает, что прямое указание на свидетеля и потерпевшего касается только порядка их вызова на допрос, в иных нормах речь идет о «допрашиваемом лице» или «лице, вызываемом на допрос», которым может быть и специалист. При этом А.В. Победкин также не исключает необходимость совершенствования закона в части прямого указания на возможность допроса специалиста².

Вместе с тем, даже если возможность допроса специалиста и вытекает из содержания положений гл. 26, ч. 1 ст. 58, п.3¹ ст. 74 УПК, процесс толкования этих положений закона весьма сложен и небесспорен. В самом деле, если в ст. 188 УПК речь идет о свидетеле и потерпевшем, то почему не упоминается специалист. Сложно объяснить и отсутствие нормы, регламентирующей допрос специалиста в гл. 37 УПК, тогда как нормы, посвященные допросу подсудимого, потерпевшего, свидетелей, эксперта в данной главе имеются.

С.И. Леонов предлагает ввести в УПК статью «Допрос специалиста», которую изложить в следующей редакции:

«Следователь вправе по собственной инициативе или по ходатайству участников уголовного судопроизводства допросить специалиста об обстоятельствах, требующих специальных познаний либо с целью разъяснения мнения, ранее высказанного специалистом в заключении или при производстве иных процессуальных действий.

Место, продолжительность, порядок вызова на допрос, производства допроса и составления протокола определяется статьями 187-190 настоящего Кодекса»³.

В целом с этим предложением можно согласиться. Однако в ч. 1 предлагаемой статьи следует уточнить, что речь идет о разъяснении мнения, ранее высказанного специалистом в *его* заключении или при *его* участии в процессуальных действиях. В случае комментария мнения, выска-

¹ См.: Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. С. 104.

² См.: Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2005. С. 344.

³ См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 103-104.

занного иным специалистом, имеют место показания об обстоятельствах, требующих специальных познаний.

В литературе, на наш взгляд, вполне обоснованно предлагается предусмотреть уголовную ответственность эксперта и специалиста не только за дачу заведомо ложных показаний (как это имеет место ныне), но и за отказ от дачи показаний¹. В связи с этим предложением находится и необходимость прямо предусмотреть в ч. 4 ст. 58 УПК, что специалист не вправе отказаться от дачи показаний.

Итак, показания специалиста и показания свидетеля могут рассматриваться как самостоятельные виды процессуальной формы доказательств и в связи с различным процессуальным статусом участников судопроизводства – свидетеля и специалиста (ст.ст. 56 и 58 УПК), и в связи с особенностями предмета показаний специалиста. Отсюда указание на эти виды процессуальной формы сведений следует сделать в разных пунктах ч. 2 ст. 74 УПК.

Эксперт – это лицо, также обладающее специальными знаниями, но назначенное в порядке, установленном УПК, для производства судебной экспертизы и дачи заключения (ч. 1 ст. 57 УПК).

Показания эксперта и показания специалиста как виды процессуальной формы сведений отличаются по процессуальному статусу субъектов, дающих показания, и их предмету. Предмет показаний эксперта и специалиста определяется особенностями их процессуального статуса. Процессуальный порядок получения показаний эксперта и специалиста совпадает.

Особенности допроса эксперта в ходе предварительного расследования определены ст. 205 УПК, особенности допроса того же субъекта в стадии судебного разбирательства – ст. 282 УПК.

В широком смысле допрашиваемый эксперт является свидетелем, т.е. дает показания относительно обстоятельств, значимых при производстве по уголовному делу. Однако выше отмечалось, что обстоятельства, требующие специальных знаний, составляют относительно самостоятельный элемент предмета показаний свидетеля, в связи с чем условно можно рассматривать показания эксперта как самостоятельный вид процессуальной формы доказательств. Кроме того, эксперт, в отличие от свидетеля, не несет уголовной ответственности за отказ от дачи показаний, т.е. процессуальный порядок получения показаний эксперта имеет некоторые особенности, обусловленные процессуальным статусом эксперта. Действительно, коль скоро эксперт согласился дать заключение, он стал участником уголовного судопроизводства, дальнейшее его поведение определяется как поведение субъекта уголовного процесса. Необходимость разъяснения данного заключения может существенно влиять на производство по уголовному делу, в связи с чем законодатель резонно установил ответственность

¹ См.: Леонов С.И. Указ. раб. С. 103.

эксперта за дачу заведомо ложных показаний (ст. 307 УК). Таким образом, установление уголовной ответственности эксперта за отказ от дачи показаний выглядело бы вполне логично. Соответственно в ч. 4 ст. 59 УПК следует предусмотреть, что эксперт не вправе отказаться от дачи показаний.

УПК (ч. 2 ст. 205) запрещает допрос эксперта по поводу сведений, ставших ему известными в связи с производством судебной экспертизы, если они не относятся к предмету данной судебной экспертизы. Представляется, законодатель проводит некую аналогию между экспертом и лицами, указанными в ч. 3 ст. 56 УПК, допрос которых запрещен с целью обеспечения неразглашения охраняемой законом тайны. Конечно, в некоторых ситуациях при допросе эксперта может быть затронута охраняемая законом тайна (например, врачебная), однако если эти сведения касаются предмета экспертизы, эксперт может быть допрошен о таких обстоятельствах. В ситуации необходимости допроса эксперта об обстоятельствах, не входящих в предмет судебной экспертизы, например о фактах угроз, подкупа, обращения к эксперту с целью склонить его к даче определенного заключения, он может и должен быть допрошен, однако не в качестве эксперта, а в качестве свидетеля. Однако в таком случае он подлежит отводу (п. 1 ч. 1 ст. 61 УПК). Это не исключает возможности умышленного совершения недобросовестными лицами действий, влекущих допрос эксперта в качестве свидетеля, с целью устранения его от участия в деле. Полагаю, что нет объективных препятствий, кроме законодательного запрета, к допросу эксперта именно в качестве эксперта об обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если они имеют отношение к делу. Известно, что предыдущее участие эксперта при производстве по уголовному делу в качестве эксперта не является основанием для его отвода.

Таким образом, в ч. 1 ст. 80, ч. 1 ст. 205 и ч. 1 ст. 282 УПК необходимо предусмотреть, что эксперт может быть допрошен не только для разъяснения данного им заключения, но и об иных обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если они имеют значение для производства по уголовному делу.

Законодатель нечетко урегулировал особенности получения показаний эксперта в судебном заседании. Так, согласно ч. 1 ст. 282 УПК по ходатайству сторон или по собственной инициативе суд вправе вызвать для допроса эксперта, давшего заключение в ходе предварительного расследования. Однако судебная экспертиза может быть назначена и судом, причем по инициативе последнего (ст. 283 УПК).

Кроме того, ч. 2 ст. 282 УПК предусматривает, что после оглашения заключения эксперта ему могут быть заданы вопросы сторонами, при этом первой вопросы задает сторона, по инициативе которой была назначена экспертиза. Учитывая ч. 1 ст. 282 УПК, речь идет об экспертизе, назначенной в ходе предварительного расследования. Однако экспертиза всегда на-

значается должностным лицом, ведущим производство по уголовному делу. Ходатайство иных лиц о ее назначении не предопределяет круг вопросов, т.е. пределы предмета экспертизы. Означает ли это, что сторона защиты первой задает вопросы эксперту в случае, если экспертиза назначена по ее ходатайству? Какие участники судопроизводства первыми задают вопросы эксперту в ситуации назначения экспертизы по инициативе суда, законодатель умалчивает.

Исходя из того, что показания эксперта отличаются от показаний свидетеля, специалиста по процессуальному статусу, лица, их дающего, предмету и некоторым правилам получения, в ч. 2 ст. 74 УПК на показания эксперта следует указать в отдельном пункте.

Заключение

В заключение полагаю возможным сделать следующие выводы.

1. Показания – процессуальная форма сообщения (сведений) лица, обладающего указанным в законе процессуальным статусом, в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания, зафиксированного в соответствии с положениями уголовно-процессуального закона, об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела и нормативно-определенных в качестве предмета показаний для конкретного участника процесса, а также об иных обстоятельствах, о которых опрашиваемый сообщил в ходе допроса, очной ставки, предъявления для опознания.

Понятие показаний в уголовном судопроизводстве непосредственно связано с проблемами уголовно-процессуальной формы, доказательств и доказывания. В настоящее время в период превалирования информационного подхода к понятию доказательств наиболее обоснованным является подход к доказательству как к единству содержания (сведений) и их процессуальной формы (показания и т.д.).

Показания, как процессуальная форма сведений, могут быть получены при производстве допроса, очной ставки и предъявлении для опознания. Это следует из того, что при производстве допроса, очной ставки, предъявления для опознания основным поисково-познавательным методом является метод расспроса, получаемая информация – устная вербальная, процессуальная форма получения такой информации – относительно детальна, обогащена рядом процессуальных гарантий и позволяет считать данные действия следственными.

2. Гносеологические особенности формирования показаний, в отличие от формирования иных видов процессуальной формы сведений о фактах заключаются, во-первых, в особенностях источника информации; во-вторых, в связанности вербальных информационных процессов с языковыми проблемами адекватной передачи сведений; в-третьих, в ином количестве и роли этапов отражательных процессов.

3. Кроме предмета, показания обвиняемого отличаются от показаний иных участников судопроизводства особенностями процессуального статуса обвиняемого, связанными с дачей показаний и некоторыми процедурными правилами их формирования.

Обвиняемый (подозреваемый) должен знать о возможной уголовной ответственности за заведомо ложный донос, учиненный, в том числе, и в момент дачи им показаний.

Подозреваемый и обвиняемый не только обладают правом не давать показаний, но и не несут ответственности за дачу заведомо ложных показаний. Отсутствие такой ответственности, за исключением заведомо ложного доноса, должно быть отражено в статье, посвященной процессуаль-

ному статусу подозреваемого и обвиняемого (соответственно ст. 46 и ст. 47 УПК).

4. Порядок получения показаний свидетеля и потерпевшего единообразен, однако статус свидетеля и потерпевшего, а также предмет показаний этих участников различен, что дает основание для рассмотрения показаний потерпевшего и свидетеля как самостоятельных видов процессуальной формы сведений.

Допрос должностных лиц, производивших следственное действие, в качестве свидетелей неправомерен в тех случаях, когда имеются сведения о преступных нарушениях, допущенных должностным лицом, производящим процессуальное действие. Допрос в качестве свидетеля должностного лица в этом случае ограничивает его право на защиту. Субъект, производивший следственное действие, может быть допрошен лишь в качестве подозреваемого или обвиняемого по другому уголовному делу, в случае, если оно будет возбуждено.

5. По гносеологическим характеристикам показания специалиста являются показаниями свидетеля, «сведущего свидетеля». Однако в связи с определенными особенностями предмета его показаний допустимо и выделение особой категории показаний – показаний специалиста.

Поскольку получение сведений консультационного характера возможно посредством допроса специалиста, а также в связи с необходимостью обеспечить реальную состязательность в возможностях использования специальных знаний для сторон обвинения и защиты, заключение специалиста предполагает проведение исключительно исследований.

Специалиста правомерно допросить о выводах, которые он сделал посредством осмотра предмета. В данном случае необходимо использовать именно такую процессуальную форму сведений, как показания специалиста, а не его заключение.

Допрос лица в качестве специалиста возможен при необходимости получить от него показания об обстоятельствах, связанных с дачей заключения или выражением своего мнения, если они имеют значение для уголовного дела. Допрос специалиста в качестве свидетеля повлечет его отвод, что может поставить решение вопроса об отводе специалиста в зависимость от действий определенных лиц.

6. Получение показаний эксперта в ходе предъявления для опознания исключается. Однако показания эксперта могут быть получены в ходе очной ставки между экспертами, давшими комиссионное заключение, в показаниях которых имеются существенные противоречия; между экспертом и специалистом, разъяснившим заключение эксперта с существенными противоречиями; между экспертом и лицом, давшим показания об обстоятельствах, связанных с производством экспертизы, если в показаниях эксперта и данного лица будут усмотрены существенные противоречия.

Список использованной литературы

I. Официальные документы и нормативные акты

1. Всеобщая декларация прав человека : принята Генеральной Ассамблеей Организации Объединенных Наций 10 декабря 1948 г. // Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. - М. : Юридическая литература, 1990.
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (с послед. изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 52 (ч. I). - Ст. 4921.
3. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР 1960 г. - М., 2001.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 июля 2010). - М., 2010.
5. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации (по состоянию на 1 июля 2010 г.). - М., 2010.
6. О концепции судебной реформы : Постановление Верховного Совета РСФСР от 24 октября 1991 г. // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. - 1991. - № 44. - Ст. 1435.
7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации (с послед. изм. и доп.) : Федеральный закон РФ от 31 мая 2001 года // Собрание законодательства РФ. - 2001. - № 23. - Ст. 2291.
8. По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В.И. Маслова : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11- П // Собрание законодательства РФ. - 2000. - № 27. - Ст. 2882.
9. По делу о проверке конституционности отдельных положений УПК РСФСР, регулирующих полномочия суда по возбуждению уголовного дела в связи с жалобой гражданки И.П. Смирновой и запросом Верховного Суда Российской Федерации : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 14 января 2000 // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2000. - № 5. - Ст. 611.
10. По делу о проверке конституционности положений статей 125, 219, 227, 229, 236, 237, 239, 246, 254, 271, 378, 405 и 408, а также глав 35 и 39 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросами судов общей юрисдикции и жалобами граждан : Постановление Конституционного Суда РФ от 8 декабря 2003 г. // Собрание законодательства РФ. - 2003. - № 51. - Ст. 5026.
11. По жалобе гражданина Демьяненко Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав положениями статей 56, 246, 278 и 355 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Опреде-

ление Конституционного Суда РФ от 6 февраля 2004 г. // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 14. - Ст. 1341.

12. По жалобе гражданина Капустяна Владимира Николаевича на нарушение его конституционных прав статьями 165 и 203 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 июня 2004 г. № 194-0 // Собрание законодательства РФ. - 2004. - № 29. - Ст. 3080.

13. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 7, 15, 107, 234 и 450 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы : Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 29 июня 2004 г. № 2 13-П // Российская газ. - 2004. - 7 июля.

14. По жалобе граждан С.В. Бородина, В.Н. Буробина, А.В. Быковского и других на нарушение их конституционных прав статьями 7, 29, 182 и 183 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 8 ноября 2005 г. № 2 439-0 // Российская газ. - 2006. - 31 янв.

15. О судебной экспертизе по уголовным делам : Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. № 1 // Сборник постановлений Пленумов Верховного Суда Российской Федерации по уголовным делам / сост. С.Г. Ласточкина, Н.Н. Хохлова. - 5-е изд., перераб. и доп. - М. : ТК Велби, Изд-во Проспект, 2008.

16. О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в судах апелляционной и кассационной инстанций : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2008 № 28 (ред. от 30.06.2009) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2009. - № 3.

17. О практике рассмотрения судами жалоб в порядке статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.02.2009 № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2009. - № 4.

18. О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.03.2004 № 1 (ред. от 23.12.2008) // Бюллетень Верховного Суда РФ. - 2004. - № 5.

19. О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве : Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 июня 2010 г. № 17 // Российская газ. - 2010. - 7 июля.

II. Монографии, учебные пособия, справочники

20. Алексеев Н.С. Показания свидетеля. Советский уголовный процесс. - Изд-во Ленинградского университета, 1989. - 470 с.
21. Алиев Т.Т., Громов Н.А., Макаров Л.В. Уголовно-процессуальное доказывание. - М. : «Книга сервис», 2002. - 128 с.
22. Арсеньев В.Д. Вопросы общей теории судебных доказательств в советском уголовном процессе. - М. : Юрид. лит., 1964. - 179 с.
23. Бабаева Э.У. Противодействие предварительному расследованию и пути его преодоления. - М., 2001. - 164 с.
24. Баев О.Я., Солодов Д.А. Производство следственных действий: криминалистический анализ УПК России, практика, рекомендации : практическое пособие. - М. : Эксмо, 2009. - 204 с.
25. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России. - М. : Проспект, 2003. - 480 с.
26. Безлепкин Б.Т. Уголовный процесс России : учебник. - М., 2004. - 205 с.
27. Белкин А.Р. Теория доказывания. - М., 1999. - 429 с.
28. Владимиров Л.Е. Учение об уголовных доказательствах. - Тула : Автограф, 2000. - 464 с.
29. Воробьева И.Б. Допрос лиц, обладающих специальными знаниями // Теория и практика криминалистики и судебной экспертизы. Проблемы следственной практики : межвуз. науч. сб. - Саратов : Изд-во Саратовского ун-та, 1989. - 116 с.
30. Громов Н.А. Уголовный процесс России. - М., 1998. - 552 с.
31. Гуськова А.П. Теоретические и практические аспекты установления данных о личности обвиняемого в уголовном процессе : учеб. пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. - М. : Юрист, 2002. - 160 с.
32. Давлетов А.А. Основы уголовно-процессуального познания. - Свердловск : издат. Уральского института, 1991. - 156 с.
33. Доля Е.А. Научно-практический комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под общ. ред. В.М. Лебедева ; научн. ред. В.П. Божьев. - М. : Спарк, 2002. - 1007 с.
34. Дорохов В.Я. Понятие доказательств. Теория доказательств в Советском уголовном процессе. - М., 1966.
35. Зинатуллин З.З. Уголовно-процессуальное доказывание: концептуальные основы : монография. - Ижевск, 2002. - 175 с.
36. Каминская В.И. Показания обвиняемого в советском уголовном процессе. - М., 1960. - 157 с.
37. Карнеева Т.М. Показания свидетелей и потерпевших. Теория доказательств в советском уголовном процессе / отв. редактор Н.В. Жогин. Изд. 2-е исправленное и дополненное. - М. : Юрид. лит., 1973. - 736 с.

38. Карнеева Л.М. Доказательства в советском уголовном процессе. - Волгоград, 1988. - 68 с.
39. Карнеева Л.М. Доказательства и доказывание в уголовном процессе : учебное пособие. - М. : УМЦ при ГУК МВД РФ, 1994. - 48 с.
40. Кокорев Л.Д. Подсудимый в советском уголовном процессе. - Воронеж : Изд-во Воронежского университета, 1973. - 276 с.
41. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. А.М. Сухарева. - М., 2004. - 325 с.
42. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. - М. : Издат. группа ИНФРА-НОРМА-М, 2004.
43. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации. Постатейный / под общ. ред. А.В. Смирнова. - 2 изд. - СПб. : Питер, 2004. - 848 с.
44. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / отв. ред. В.Л. Радченко ; научн. ред. В.Т. Томин, М.Л. Поляков. - М. : Юрайт- Издат, 2004. - 763 с.
45. Коршунов А.М. Отражение, деятельность, познание. - М. : Политиздат, 1979. - 216 с.
46. Костенко Р.В. Понятие и признаки уголовно-процессуальных доказательств. - М. : Юрлитинформ, 2006. - 240 с.
47. Костенко Р.В. Теоретические, законодательные и правоприменительные аспекты понятия уголовно-процессуальных доказательств. - Краснодар : Экоинвест, 2005. - 300 с.
48. Курс советского уголовного процесса. Общая часть / под ред. А.Д. Бойкова и И.И. Карпеца. - М. : Юрид. лит., 1989. - 640 с.
49. Лазарева В.А. Доказывание в уголовном процессе : учебно-практическое пособие. - М. : Высшее образование, 2009. - 344 с.
50. Образцов В.А., Богомолова С.Н. Допрос потерпевшего и свидетеля на предварительном следствии. - М., 2003. - 160 с.
51. Ожегов С.И. Словарь русского языка. - М., 1990. - 639 с.
52. Ожегов С.И., Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1985. - 736 с.
53. Ожегов С.И., Шведова И.Ю. Толковый словарь русского языка. - М., 1995. - 928 с.
54. Орлов Ю.К. Проблемы теории доказательств в уголовном процессе. - М. : Юрист, 2009. - 175 с.
55. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе. - М. : Проспект, 2001. - 144 с.
56. Орлов Ю.К. Основы теории доказательств в уголовном процессе : научно-практическое пособие. - М. : Проспект, 2001. - 144 с.
57. Петрова О.В. Уголовно-процессуальное доказывание : учебное пособие. - Курск : КФ ОрЮИ МВД России, 2007.

58. Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве, виды и порядок производства следственных действий : учебное пособие. - М. : ЮИ МВД России, 2002. - 88 с.

59. Петуховский А.А., Шурухнов Н.Г. Доказывание в уголовном судопроизводстве и порядок производства следственных действий : учеб. пособие. - М., 2002. - 360 с.

60. Победкин А.В. Теория и методология использования вербальной информации в уголовно-процессуальном доказывании : монография. - М., 2005. - 419 с.

61. Победкин А.В., Яшин В.Н. Уголовный процесс : учебник / под ред. д.ю.н., проф. В.Н. Григорьева. - М., 2004. - 633 с.

62. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание: монография / А.В. Победкин; ТФ ГОУ ВПО РПА Минюста России. - Тула : Папирус, 2007. - 388 с.

63. Победкин А.В. Уголовно-процессуальное доказывание. - М. : «Юрлитинформ», 2009. - 416 с.

64. Порубов Н.И. Допрос в советском уголовном процессе и криминалистике / под ред. А.Р. Ратинова. - Минск : Вышэйшая школа, 1968. - 276 с.

65. Порубов Н.И. Научные основы допроса на предварительном следствии. - Минск, 1978. - 175 с.

66. Рахунов Р.Д. Признание обвиняемым своей вины. - М., 1975. - 166 с.

67. Рыжаков А.П. Уголовно-процессуальное доказывание: понятие и средства. - М., 1997. - 416 с.

68. Рыжаков А.П. Уголовный процесс : учебник для вузов. 3-е изд. - М., 2004. - 432 с.

69. Селина Е.В. Доказывание с использованием специальных познаний по уголовным делам. - М. : Юрлитинформ, 2003. - 128 с.

70. Селина Е.В. Применение специальных познаний в уголовном процессе. - М. : Юрлитинформ, 2002. - 144 с.

71. Словарь основных терминов по уголовному процессу / под ред. канд.юрид. наук, доц. В.К. Боброва. - М. : Изд-во «Щит-М», 2001. - 160 с.

72. Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Изд. 3-е. - СПб., 1910. - 684 с.

73. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. - М., 1968. - Т. 1. - 470 с.

74. Ульянова Л.Т. Показания свидетеля. Уголовный процесс : учебник для студентов юридических вузов и факультетов. - М. : Зерцало, ТЕИС, 1996. - 509 с.

75. Ушаков Ю.А. Применение заключения и показаний специалиста в состязательном уголовном процессе // Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений : межвузовский сборник научных трудов.

Выпуск 9 / ответ. ред. С.Д. Назаров. - Красноярск : СЮИ МВД России, 2006. - 195 с.

76. Фаткуллин Ф.Н. Общие проблемы процессуального доказывания. Второе, дополненное издание. - Казань : Изд-во Казанского университета, 1976. - 119 с.

77. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / под ред. А.В. Смирнова. - СПб. : Альфа, 1996. - 607 с.

78. Чельцов М.А. Советский уголовный процесс. - М. : Госюриздат, 1951. - 511 с.

79. Шейфер С.А. Следственные действия. Основания, процессуальный порядок и доказательственное значение. - М. : Юрлитинформ, 2004. - 184 с.

80. Шейфер С.А. Следственные действия. Система и процессуальная форма. - М. : Юрлитинформ, 2001. - 208 с.

81. Шейфер С.А. Собираание доказательств в советском уголовном процессе: методологические и правовые проблемы. - Саратов, 1986. - 171 с.

82. Якуб М.Л. Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1973. - 736 с.

III. Статьи

83. Бобраков И. Проблемы квалификации принуждения к даче показаний (ст. 302 УК РФ) // Уголовное право. - 2005. - № 2. - С. 8-10.

84. Божьев В.П. Изменения в УПК РФ – не всегда средство его совершенствования // Законность. - 2005. - № 8. - С. 2-6.

85. Брусныцын Л. Допрос под псевдонимом // Законность. - 2003. - № 1. - С. 27-29.

86. Будников В. Показания в уголовном процессе // Законность. - 2006. - № 9. - С. 43-44.

87. Быков В.М. Проблема допустимости доказательств // Следователь. - 2007. - № 10. - С. 32-34.

88. Воробьев П. Процессуальный статус специалиста: нужны разъяснения Пленума Верховного Суда // Законность. - 2005. - № 11. - С. 34-36.

89. Григорьев В.Н., Победкин А.В. О методологии совершенствования доказательственного права // Гос-во и право. - 2003. - № 10. - С. 55-62.

90. Говорков Н. Лжесвидетели // Законность. - 2005. - № 1. - С. 33-34.

91. Гришина Е.П., Саушкин С.А. Проблемные вопросы совершенствования правового регулирования производства следственных действий с участием специалиста // Российский следователь. - 2005. - № 8. - С. 16-19.

92. Давлетов А. Специалист в уголовном процессе: новые возможности и проблемы // Российская юстиция. - 2003. - № 9. - С. 47-48.

93. Данилова Л.С., Громов Н.А. К вопросу об источниках доказательств в уголовном судопроизводстве // Уголовное судопроизводство. - 2006. - № 1. - С. 20-23.

94. Доля Е.А. Проект Общей части УПК Российской Федерации: юридический анализ // Государство и право. - 1995. - № 5. - С. 83-92.

95. Дорохов В.Я. Понятие доказательств // Теория доказательств в советском уголовном процессе. - М., 1966. - С. 227-267.

96. Зажицкий В.И. Заключение и показания специалиста в системе доказательственного права // Российская юстиция. - 2007. - № 9. - С. 56-58.

97. Зажицкий В.И. Истина и средства ее установления в УПК РФ: теоретико-правовой анализ // Государство и право. - 2005. - № 6. - С. 67-74.

98. Зайцева С.А. Специалист и его заключение в уголовном процессе // Следователь. - 2004. - № 2. - С. 17-18.

99. Карпенко В.М. Понятие доказательств по УПК РФ // Сборник научных трудов. - М. : ВНИИ МВД России, 2005. - С. 70.

100. Кузнецова Ю.В., Тихонов А.К., Громов Н.А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе // Следователь. - 2004. - № 1. - С. 11-12.

101. Кузнецова Ю.В., Тихонов А.К., Громов Н.А. О показаниях обвиняемого в российском уголовном процессе // Следователь. - 2004. - № 1. - С. 11-12.

102. Лазарева Л. К вопросу о правовой сущности заключения специалиста // Уголовный процесс. - 2009. - № 1. - С. 93-98.

103. Логвинец Е.А. Заключение специалиста (Проблемы использования в доказывании) // Эксперт – криминалист. - 2008. - № 1. - С. 33-36.

104. Овсянников И. Заключение и показания специалиста // Законность. - 2005. - № 7. - С. 32-35.

105. Осипов С. Предписания ч.3 ст.281 УПК РФ и психолингвистический аспект достоверности показаний потерпевшего и свидетеля // Законность. - 2004. - № 6. - С. 35-36.

106. Петуховский А.А. Свидетельский иммунитет: проблемы развития процессуального института // Российская юстиция. - 2003. - № 9. - С. 49-50.

107. Победкин А.В. Некоторые вопросы собирания доказательств по новому уголовно-процессуальному законодательству России // Гос-во и право. - 2003. - № 1. - С. 57-64.

108. Попов Д.В. Показания специалиста как сведущего свидетеля // Юридический аналитический журнал. - 2006. - № 1. - С. 30.

109. Попова Е.А., Громов Н.А. Показания эксперта как источник доказательств // Следователь. - 2003. - № 8. - С. 29-31.

110. Сверчков В. Заведомо ложные показания, заключение эксперта или неправильный перевод // Законность. - 2002. - № 11. - С. 9-11.

111. Селина Е.В. Специальные познания в уголовном процессе // Гос-во и право. - 2003. - № 7. - С. 45-50.

112. Серго А. Электронный документооборот // Российская юстиция. - 2003. - № 5. - С. 69-70.

113. Соловьев А. Использование специальных познаний при доказывании по УПК РФ // Уголовный право. - 2007. - № 2. - С. 95-99.

114. Темираев О. Компетенция специалиста // Законность. - 2005. - № 6. - С. 39-40.

115. Уренева О.В. Принцип состязательности сторон и оглашение в судебном заседании показаний лиц, данных при производстве предварительного расследования или ранее данных в судебном заседании // Российский судья. - 2003. - № 3. - С. 3-6.

116. Ушаков А.Ю. О понятии специалиста в уголовном судопроизводстве России // Российский следователь. - 2008. - № 9. - С. 8-9.

117. Филин Д. Дифференциация доказательственной информации // Законность. - 2001. - № 2. - С. 46.

118. Хрусталева В.Н. Заключение специалиста как источник доказательств в уголовном судопроизводстве // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы. - 2005. - С. 61-69.

119. Шаламов М.П. К вопросу об оценке сознания обвиняемого // Сов. государство и право. - 1956. - № 8. - С. 44-50.

120. Шалумов М. Собираение и оценка доказательств по уголовному делу // Законность. - 2005. - № 3. - С. 2-5.

121. Шалумов М. УПК РФ: вопросы доказательственного права // Законность. - 2004. - № 4. - С. 2-6.

122. Шейфер С.А. Обновление правовой регламентации доказывания по УПК РФ; шаг вперед? // Государство и право. - 2004. - № 12. - С. 41-42.

IV. Диссертации и авторефераты

123. Балакшин В.С. Доказательства в теории и практике уголовно-процессуального доказывания : дис. ... д-ра юрид. наук. - Екатеринбург, 2005. - 533 с.

124. Бельский А.И. Заключение и показания специалиста как доказательства в уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 175 с.

125. Воробьева Ю.Ю. Современные проблемы процесса доказывания в Российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. - Оренбург, 2006. - 187 с.

126. Гасанов В.Ш. Производство о применении принудительных мер медицинского характера : дис. ... канд. юрид. наук. - Н. Новгород, 2006. - 228 с.

127. Ильина Е.Р. Проблемы оценки заключения судебно-медицинского эксперта в современном уголовном процессе России : дис. ... канд. юрид. наук. - Самара, 2005. - 216 с.

128. Зверев А.Г. Допустимость показаний подозреваемого в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2005. - 209 с.
129. Коковкин М.С. Участие свидетеля в досудебных стадиях уголовного процесса : дис. ... канд. юрид. наук. - Владимир, 2007. - 228 с.
130. Коркина И.В. Процессуальное положение потерпевшего в досудебном уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 173 с.
131. Коровина М.С. Проблемы доказывания по уголовным делам в суде первой инстанции : дис. ... канд. юрид. наук. - Иваново, 2007.
132. Костенко Р.В. Доказательства в уголовном процессе: концептуальные подходы и перспективы правового регулирования : дис. ... д-ра юрид. наук. - Краснодар, 2006. - 421 с.
133. Круглов С.В. Участие потерпевшего в доказывании на предварительном следствии по УПК РФ : дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2006. - 252 с.
134. Левченко О.В. Система средств познавательной деятельности в доказывании по уголовным делам и ее совершенствование : дис. ... д-ра юрид. наук. - Астрахань, 2004. - 418 с.
135. Леднев А.Е. Показания свидетеля как уголовно-процессуальное доказательство : дис. ... канд. юрид. наук. - Новгород, 2006. - 240 с.
136. Леонов С.И. Расспрос как познавательный метод получения сведений об обстоятельствах, подлежащих доказыванию по уголовному делу : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2010. - 214 с.
137. Ломакина Е.В. Актуальные вопросы использования специальных знаний в российском уголовном судопроизводстве : дис. ... канд. юрид. наук. - Оренб., 2006. - 174 с.
138. Мачихин С.Г. Процессуальная форма в уголовном судопроизводстве России : дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2006. - 187 с.
139. Пилюшин И.П. Получение и закрепление показаний в уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. - Омск, 2006. - 218 с.
140. Саушкин С.А. Актуальные вопросы теории и практики участия свидетеля в уголовном процессе (в досудебном производстве) : дис. ... канд. юрид. наук. - Саратов, 2002. - 182 с.
141. Семилетов С.И. Документы и документооборот как объект правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2003. - 27 с.
142. Сидорова Н.В. Правовое регулирование показаний свидетеля в российском уголовном процессе: история, современное состояние : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2004. - 24 с.
143. Федоров А.А. Показания свидетеля как источник доказательств в уголовном судопроизводстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 190 с.
144. Филь В.С. Показания подозреваемого в российском уголовном процессе : дис. ... канд. юрид. наук. - Краснодар, 2003. - 176 с.

145. Шейфер М.М. Социальный и правовой статус свидетеля и проблемы его реализации в уголовном судопроизводстве России : дис ... канд. юрид. наук. - Самара, 2005. - 235 с.

146. Шуличенко А.А. Показания обвиняемого: правовой, психологический и нравственный аспекты : дис... канд. юрид. наук. - М., 2008. - 193 с.

Учебное пособие

Автор:

кандидат юридических наук, доцент

Гришина Елена Борисовна

**ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ ПОКАЗАНИЙ
УЧАСТНИКОВ УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИИ:
УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ**

Свидетельство о государственной аккредитации

Рег. № 1300 от 23.12.11 г.

Подписано в печать _____ г. Формат 60x90¹/₁₆.

Усл. печ. л. _____. Тираж _____ экз. Заказ № _____.

Орловский юридический институт МВД РФ имени В.В. Лукьянова.

302027, Орел, Игнатова, 2.